С. П. Залыгин

Отказавшись от надуманных
проектов переброски речного стока,
или, как еще говорилось у нас,
"проектов поворота рек",
государство наше осуществило поворот
в сторону общественного мнения.
Поворот столько же необходимый,
сколько и необратимый.

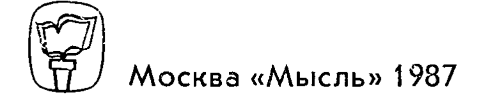

В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ВСЕ БОЛЕЕ УТВЕРЖДАЕТСЯ ПРОСТАЯ И ЯСНАЯ МЫСЛЬ:
ПОРЯДОК В ДОМЕ МОЖЕТ НАВЕСТИ ЛИШЬ ЧЕЛОВЕК, ЧУВСТВУЮЩИЙ СЕБЯ ЕГО ХОЗЯИНОМ.

Из материалов январского /1987 г./ Пленума ЦК КПСС

С. П. Залыгин

ПОВОРОТ

Москва «Мысль» 1987

ББК 20.1
З-25

РЕДАКЦИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Оформление художника
Э. К. ИППОЛИТОВОЙ

З $\frac{2001050000-111}{004(01)-87}$ без объявления

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Забота о судьбах родной природы — давняя и прочная традиция отечественной литературы. Но пожалуй, никогда прежде тема охраны природы не была столь популярной, как в последние годы, никогда прежде споры по проблемам охраны природы не были столь острыми, столь бескомпромиссными.

Показательна дискуссия по одной из таких проблем, грозившей оставить тяжелую рану на нашей Земле. Имя ей — переброска. Так коротко обозначился в сознании людей «грандиозный» проект перераспределения стока северных и сибирских рек.

Острота этой проблемы заставила многих ученых и деятелей культуры отложить на время свои дела и заняться борьбой с беспрецедентным по непредсказуемости последствий проектом.

В накаленной атмосфере дискуссий были и страстные публицистические выступления, и четко аргументированные научные статьи, было, наконец, обращение с трибуны VIII съезда писателей СССР к Политбюро, к Михаилу Сергеевичу Горбачеву с просьбой поручить еще раз разобраться в сложившейся ситуации и «принять решение в пользу нашего народа, а не заинтересованных ведомств».

И такое решение было принято — решение трудное, но единственно верное, единственно необходимое. Это решение — победа общественного мнения над волюнтаризмом, местничеством и другими еще не до конца изжитыми негативными явлениями нашей жизни, это реальный факт набирающего силу процесса перестройки.

Именно об этом — предлагаемая читателю книга, автор которой, писатель и ученый Сергей Павлович Залыгин, хорошо известен в народе не только своими литературными произведениями, но и многолетней не-

утомимой и бескомпромиссной борьбой против экологического невежества, против бездуховности и безответственности во всех их формах и проявлениях.

Проблема территориального перераспределения стока рек не так проста, как это порой представляется отдельным сторонникам диаметрально противоположных взглядов на нее. Спорны многие аргументы сторон. Не исключено, что не все доводы и автора выдержат испытание временем, не все цифры и факты, приведенные в книге, бесспорны. Но не в этом в конечном счете суть. Важна гражданская позиция писателя, заражающая читателя высокой активностью в делах общества, твердо вставшего на путь перестройки. Что же касается самой проблемы переброски, то, как и определено решением Политбюро ЦК КПСС от 16 августа 1986 г., продолжаются тщательные исследования экологических и экономических последствий этого сложного природопреобразующего проекта. Но сейчас крайне важно осмыслить происшедшее, извлечь из него урок на будущее. С. П. Залыгин делает это смело и решительно. Собранные в книге его публицистические произведения, опубликованные после апрельского Пленума ЦК КПСС, поддерживают взятый партией курс на утверждение в каждом советском человеке чувства подлинно гражданской ответственности за судьбы своей родной земли.

ПОВОРОТ

Уроки одной дискуссии

16 августа 1986 года было опубликовано решение Политбюро ЦК КПСС, в котором говорилось:

«Рассмотрев вопросы осуществления проектных и других работ, связанных с переброской части стока северных и сибирских рек в южные районы страны, Политбюро в связи с необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, за что выступают и широкие круги общественности, признало целесообразным прекратить указанные работы. В принятом по данному вопросу постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР предусматривается сосредоточить главное внимание и сконцентрировать материальные средства прежде всего на более экономном и эффективном использовании имеющихся водных ресурсов и комплексном использовании всех факторов интенсификации сельскохозяйственного производства».

Так закончился многолетний спор между сторонниками и противниками проектов переброски.

И это решение есть не что иное, как один из важных и убедительных фактов общего процесса перестройки, которым живет нынче страна.

Отказавшись от надуманных, в узковедомственных интересах проектов переброски речного стока, или, как еще говорилось у нас, «проектов поворота рек», государство наше осуществило поворот в сторону общественного мнения.

Поворот столько же необходимый, сколько и необратимый.

* * *

Так кто же все-таки в этом споре был за, кто — против?

За были: Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР и СССР прежде всего с такими их

подразделениями, как Союзгипроводхоз,— за (более чем активно «за») был Институт водных проблем Академии наук СССР, причем — и это удивительно! — выступая в самых разных лицах — и как головная организация по комплексным исследованиям для обоснования объемов и очередности работ, связанных с переброской, и как активнейший ее пропагандист, и, наконец, как... главный эксперт по проекту. За были и некоторые ученые, немногочисленные, но с высоким служебным положением.

Во всяком случае не составляет особых трудностей перечислить всех, кто был за.

Ну, конечно, были и «туда-сюда», колеблющиеся, выжидающие, к ним прежде всего я отнес бы ВАСХНИЛ и Институт географии АН СССР.

А вот кто был против — этого мы никогда, наверное, так и не определим, потому что против выступала общественность — ученые (иногда от своего собственного имени, а иногда и в полном составе отделений, научных советов, институтов Академии наук СССР), писатели — опять-таки каждый сам по себе и организованно, поскольку съезд писателей РСФСР в декабре 1985 года, подняв этот вопрос, включил пункт о необходимости пристального внимания к проблемам экологии в свою резолюцию. Против — в печати, в письмах, в разного рода откликах — выступали люди самых разных возрастов и профессий: врачи, агрономы, историки, филологи, инженеры, учащиеся, пенсионеры, рабочие, служащие, журналисты...

Сколько их было — никто не знает, наверное, не один миллион.

Вероятно, впервые в нашей истории народнохозяйственная проблема так широко, с такой гласностью, с такой же глубиной обсуждалась народом.

Когда шло обсуждение Основных направлений экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года, в нем тоже заметное место занимали проекты переброски («проекты века», как говорили их авторы).

Когда XXVII съезд обсуждал Политический доклад товарища М. С. Горбачева, затем доклад товарища Н. И. Рыжкова, и тут возникла та же проблема.

Специалисты-перебросчики выражали недоумение: с каких это пор технические проекты обсуждаются об-

щественностью? Но в Политическом докладе съезду ответ содержался ясный — с наших дней! Начиная с наших дней вот так и будет — общественное мнение отныне приобретает права гражданства!

И если бы не этот тезис — еще неизвестно, во что вылилось бы ведомственное «недоумение».

Итак, о чем же говорит опыт этой дискуссии, первой в своем роде за всю нашу историю? Каковы ее уроки? Каковы — масштабы? Каково ее происхождение?

Общественная жизнь страны в минувшем году была более чем богата событиями, а импульсом этих событий был XXVII съезд КПСС, прошедший в начале года. Не составляет исключения и дискуссия, о которой идет речь.

Она велась давно.

Собственно, сначала никакой дискуссии и не было, а было безудержное восхваление «проекта века» его авторами в отечественной и зарубежной печати, суть которого состояла в том, что проектировщики уже всех превзошли, все инстанции прошли и дело за немногим — осуществить проект в натуре; немногочисленные же по тому времени противники проекта вплоть до середины 1985 года вообще не получали слова, по крайней мере в печати.

Во время всенародного обсуждения проекта Основных направлений, как уже говорилось, общественное мнение вполне восполнило это молчание — и периодическая печать оказалась заполненной протестами против переброски. Медики предупреждали, что переброска опасна в санитарно-эпидемиологическом отношении, биологи утверждали, что пострадает флора и фауна сразу в нескольких речных бассейнах, геологи просто-напросто хватали проектировщиков за руку, поскольку они проектировали трассы каналов в заведомо неподходящих для этого грунтах, историки опасались гибели памятников нашей истории и культуры, агрономы, инженеры, экономисты, крупнейшие ученые приводили доводы против, против, против.

В результате пункт проекта Основных направлений, который предлагал развернуть строительные работы по переброске, был после съезда КПСС изменен — теперь предусматривалась лишь углубленная проработка проблемы.

Общественность успокоилась. Казалось, что и вправду для этого у нее имеются все основания.

Но не тут-то было!

Оказывается, материалы и решения съезда истолковывались далеко не однозначно.

«Углубленная» проработка вопроса? Очень хорошо! — заявили сторонники переброски. Это именно то, чего мы хотели. В порядке углубленной проработки и «эксперимента» мы и перебросим 6 кубокилометров в Волгу! Ну если уж не 6, так 2,2 кубокилометра. (А это уже совершенно абсурдная цифра.)

И тут же в завидном темпе началась подготовка к строительству. Прибегая к разного рода ухищрениям, Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР добилось финансирования и открытия подготовительных строительных работ в Вологодской и Архангельской областях, а журналистам снова (как в прежние времена) «не рекомендовалось» об этих работах писать. Началось фактическое осуществление проекта, который так ведь и не прошел экспертизы в целом,— вот какие были пущены в ход ухищрения. Но и это не все.

Совершенно неожиданно появилось, по существу, директивное письмо за подписью первого заместителя председателя Госплана СССР товарища П. А. Паскаря, в котором говорилось: «В результате работы, проведенной многими научно-исследовательскими и проектными институтами Академии наук СССР, Минводхоза СССР и других министерств и ведомств, подтверждена необходимость первого этапа переброски части стока северных рек в бассейн Волги в объеме 5,8 куб. км».

И это в то время, когда уже пять отделений АН СССР представили отрицательные заключения по проекту, когда такие же заключения вынесли Всесоюзное географическое общество, Всероссийское общество по охране памятников истории и культуры и многие другие, когда решительно выразили свое несогласие с проектом Совмин Коми АССР, а также областные организации Вологды (хотя ранее они некоторое время этот проект и поддерживали).

Со стороны же общественности самую активную позицию заняли писатели. Напомним, что в резолю-

ции VI съезда писателей РСФСР говорилось: «Делегаты съезда выражают серьезную озабоченность решением экологических проблем в некоторых районах страны. Съезд поручает новому составу Правления СП РСФСР довести эту озабоченность до компетентных органов и, если потребуется, привлечь широкую советскую общественность к участию в обсуждении и решении этих жизненно важных проблем».

И хотя кто-то иронически назвал этот съезд «съездом мелиораторов», в Политическом докладе товарища М. С. Горбачева XXVII съезду КПСС была выражена благодарность тем писателям, которые защищают природу,— это ли была не поддержка?

На VIII съезде писателей СССР эта тема была поднята снова, еще раньше, в мае 1986 года, российский Союз провел секретариат в Ленинграде, где вопрос о переброске встал с особой остротой. Секретариат просил депутатов Верховного Совета СССР товарищей С. Михалкова и Ю. Бондарева обратиться с письмом в Верховный Совет СССР, в котором они изложили бы резолюцию секретариата. Такое письмо было передано в Президиум очередной сессии Верховного Совета СССР. Самое активное участие в развернувшейся в Ленинграде дискуссии приняли вице-президент АН СССР А. Л. Яншин, академик Д. С. Лихачев и другие ученые. Министерство мелиорации и водного хозяйства СССР представлял первый заместитель министра товарищ П. А. Полад-заде, а Государственный комитет СССР по гидрометеорологии и контролю природной среды — первый заместитель председателя товарищ В. Г. Соколовский.

Что касается проекта, говорил на этом секретариате товарищ Полад-заде, то в его научном обосновании решающее слово принадлежит Академии наук. Если она скажет, что прогнозы понижения уровня Каспия неверны и для его спасения переброска не нужна, то мы (министерство) первыми будем ходатайствовать перед правительством об отказе от проекта. При этом заместитель министра твердо знал, что его академический союзник (Институт водных проблем) не подведет; для руководства института отстаивание «своего», по существу, антинаучного прогноза стало «делом чести». Знал товарищ Полад-заде и о том, что пять отделений АН СССР высказались решительно против

переброски. Знал, конечно, что уровень Каспийского моря стремительно повышается. Знал, но никогда и нигде об этом не говорил, не пытался мнения ученых опровергнуть или даже попросту упомянуть о них. От этих мнений он уходил последовательно и по-своему очень умело.

Товарищ Соколовский на тех же ленинградских заседаниях утверждал, что его комитет никакого отношения к проекту не имеет, не отстаивает его, если же кто-то именем комитета приостанавливает публикацию материалов, критикующих проект, так он об этом знать ничего не знает. Но за примерами лично мне и ходить далеко не надо — из моих статей по указанию Госкомгидромета был выброшен не один абзац.

И вот что интересно: когда почва под ногами Минводхоза и Института водных проблем АН СССР заколебалась, они, чтобы спасти проект, немедленно вступили с общественностью в своеобразный торг. Если на первых этапах объем переброски определялся в перспективе цифрой 100 кубокилометров в год, то позже об этой перспективе как будто забыли и последовали более «успокоительные» цифры — 60, 40, 20, 6 и наконец, как об этом уже упоминалось, 2,2 кубокилометра. Какое реальное значение имели все эти цифры? А вот какое: 6 кубокилометров могли бы повысить уровень Каспия на... 12 миллиметров. Это попросту смехотворная цифра, которая имела только одну меркантильную цель — во что бы то ни стало сохранить проект на плаву, утвердить за ним хотя бы минимальное финансирование. Дело в том, что Минводхоз уже был должен государству около миллиарда рублей, и расплатиться он мог только при новом финансировании под проекты следующего пятилетия (независимо от их целей и целесообразности). Какой смысл имеет переброска 2,2 «экспериментальных» кубокилометра, если самая совершенная гидрометрия может измерять сток Волги с точностью ±8—10 кубокилометров?

Однако не о технических показателях «проекта века» должна идти здесь речь — нынче они потеряли всякое значение, а вот общественное значение дискуссии со временем возрастает, опыт этой дискуссии обществу, безусловно, еще пригодится.

Мы не можем думать, будто перемены обществен-

ной психологии происходят и произойдут только на основании неких умозаключений — вот эта психология лучше, а эта хуже, так принимаем же лучшую! Психология общества меняется с изменением политики. В политически неизменном государстве общественного мнения либо нет совсем, либо оно ведет подпольный образ жизни. Изменилась политика нашего государства по отношению к обществу — вот почему и возникла та дискуссия, о которой идет речь. Итак, напомним еще раз, что в сравнительно узкой среде специалистов и тоже в самом узком кругу творческой интеллигенции, прежде всего — писателей, эта дискуссия возникла лет семь тому назад. Никто ни на каких этажах, ни в каких инстанциях не придавал ей сколько-нибудь серьезного значения, а по проекту тем временем одна за другой защищались кандидатские диссертации (реже — докторские), проектировщики быстро повышались в должностях, наращивалась и численность кадров. В специально созданном Всесоюзном головном проектно-изыскательском и научно-исследовательском институте по переброске и распределению вод северных и сибирских рек работали уже 6 тысяч человек, но и тут говорилось: «Мало! Надо гораздо, гораздо больше!» И делали больше: в системе Минводхоза число исследовательских учреждений достигло ста шестидесяти, а общая численность проектировщиков — 68 тысяч человек.

Головной был отнюдь не одинок, как об этом уже говорилось выше, передавая хозрасчетные темы «высокой» науке, он ни много ни мало, по существу, прикарманил академический Институт водных проблем во главе с членом-корреспондентом АН СССР Г. В. Воропаевым, и это тем более интересный ход, что Г. В. Воропаев был выдвинут и на должность председателя Государственной экспертной комиссии Госплана СССР, которая должна осуществлять экспертизу проекта. Легко себе представить, какой могла быть эта экспертиза, если в Институте водных проблем АН СССР последовательно не допускалось никакой критики этого проекта.

Так бы оно и шло дело, и нынче уже перекапывали бы десятки миллионов кубометров земли на трассах запроектированных каналов по полтиннику, а зимой и в полтора-два раза выше за кубометр, ничуть

не задумываясь над тем — а для чего? Каков будет конечный результат?

Но тут — перемены, апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, затем XXVII съезд КПСС, затем — последующая деятельность ЦК и Совмина. Если перемены — значит, и обновленное и активное общественное мнение, если они есть — значит, в обществе происходит разделение на прогрессистов и консерваторов. Происходит не только по оценке дня сегодняшнего, но и предшествующего опыта — что из прошлого нужно сегодня, а что не только не нужно, но и вредно. И это же факт, что нынче уже не в порядке пережитков прошлого, а в порядке собственного опыта у нас сложился свой доморощенный бюрократический советский социалистический консерватизм.

Как и в целом ряде подобных случаев, наш родной консерватизм тоже возник не на пустом месте, а из прогрессивных и революционных идей, вернее всего из идей и практики конца 20-х — начала 30-х годов, когда, решительно распрощавшись с нэпом, мы заодно распрощались и с вариантным мышлением и целиком сосредоточились на главном (и единственном) направлении — на задаче индустриализации и коллективизации страны любой ценой. Нам в то время не усложнение действительности нужно было, а ее упрощение, полная ее очевидность, полная безвариантность, потому что мы рассматривали свое положение как положение если уж не военное, так чрезвычайное. Любое отклонение — это был уже уклон левый, а чаще правый, любой уклон — это деяние антиобщественное, антигосударственное, антисоветское. Либо — либо! Или мы победим, или нас победят. Отсюда и «любая цена» во всем, и жертвенность, которую мы тогда проявили, и категоричность суждений («Если враг не сдается — его уничтожают»), и энтузиазм, и нетребовательность в отношении материальном.

Эта однолинейность, этот курс дал нам Кузбасс и Магнитку, Турксиб и Днепрогэс с его «бешеными темпами» строительства, Челябинский и Сталинградский тракторные. Весь мир был удивлен нашими достижениями, и действительно, это был опыт мирового значения, он доказывал, на что способен человек, на что способен народ, воодушевленный идеей переделки всей жизни. Динамика этого движения сыграла свою

роль и в нашей победе над фашизмом в войне 1941—1945 годов, быть может, решающую роль.

Но вернемся к нашим дням, к «проекту века».

Не случайно в первых редакциях технико-экономических обоснований проектов переброски речного стока утверждалось, что их осуществление еще раз продемонстрирует всему миру неоспоримые преимущества социалистической системы хозяйства, не случайно главными достоинствами проекта почитались его масштабность и даже уникальность. Все та же магия масштабности должна была бесконечно воодушевлять его сторонников и уничижать противников: мы — больше всех, мы — самые грандиозные, а вы против нас — разве так может быть?! И в самом деле до поры до времени в нашей истории так быть не могло, но только — до поры и до времени. Грандиозное перестало (перестает) отождествляться с безупречным, перестает быть паролем для беспрепятственного продвижения в будущее; наконец-то мы убедились — и еще как убедились-то! — что грандиозное тоже нужно доказывать.

Какой бы путь развития ни был избран государством и народом, в самом начале он всегда более очевиден, чем где-то уже к середине, на полпути. И тут было так же. Еще в начале 30-х годов каждое вновь построенное предприятие существенно поднимало и общий промышленный потенциал страны, и процент годового прироста производства, потому что в абсолютных цифрах это производство было еще очень невелико, другое дело, когда производство возрастает в десятки раз, тут и каждая десятая доля процента — это не одно, а ряд новых предприятий.

Но так или иначе, а чрезвычайное положение 30-х годов потому и было чрезвычайным, что долго оно продолжаться не могло, жизнь переставала в него укладываться; жизнь в нормальном состоянии требует сопоставления вариантов своего дальнейшего осуществления, но вот в чем дело — государственный аппарат оказывается не подготовленным к вариантному мышлению, к деятельности, требующей самостоятельности и ответственности не только перед вышестоящим руководством, но и перед обществом в целом. И тогда-то и возникает «новый» консерватизм, он и есть первый признак этой неподготовленности.

Да, консерватор сохраняет лозунги минувших лет, оберегает их ото всех и всяческих посягательств и гордится этим, но, сохраняя лозунги, он давным-давно утерял чувство времени, в частности — дух того времени, которому эти лозунги принадлежали, он потерял его прежде всего применительно к самому себе.

Вполне вероятно, что он, новый консерватор, был в те 30-е годы еще мальчиком и не помнит их трагизма, их испепеляющей требовательности.

Не помнит коммуналок, в которых жили руководящие кадры, не помнит партмаксимума, чрезвычайных «троек» и «пятерок», ночных бдений на работе, наверное, не помнит и униформы того времени — гимнастерка, галифе (или полугалифе), сапоги, а галстук — это уже признак буржуазности. Ему понятна и желательна полная и безоговорочная самоотдача масс в строительстве социализма, он очень хотел бы и сейчас видеть ее в других. В других, но не в себе. Все общество он хотел бы видеть не изменившимся с тех пор сколько-нибудь заметно и только себя самого — вполне современным, вариантно мыслящим в отношении собственной карьеры, время от времени выдвигающим проекты века, которые только потому, что они величественны, ни обсуждению, ни сомнениям не подлежат, подлежат только исполнению. Они ведь, эти проекты, очень многое ему лично обещают, хотя он — слуга народа и поборник общественного интереса — никогда в этом не признается.

Великий проект, а его творцы маленькие люди, что ли? Нет уж — они тоже великие!

Впрочем, консерватор всегда таков — общество он хочет видеть мыслительно неподвижным, а себя самого мыслящим непогрешимо. И — грандиозно!

Именно такое мышление никак не совпадает ни с нашим временем, ни с той строго логической системой существования мира, которую мы подразумеваем под словом «природа». Не только не совпадает, но и вступает с ней в противоречие, разрушая ее изо дня в день.

При наших-то природных ресурсах — водных, земельных, лесных, минеральных, энергетических, а также и трудовых,— если бы мы все эти ресурсы по-настоящему научились ценить, научились использовать надлежащим образом, да ни одна страна в мире никогда не угналась бы за нами в экономическом раз-

витии! Но мы не столько свои ресурсы используем, сколько совершаем над ними самые разные и самые невероятные «пере»: перебрасываем их, перераспределяем, перекапываем, пересматриваем, переделываем. А в результате теряем. И странно — общество теряет, а ведомство — приобретает, приобретает штаты, кабинеты, оклады, премии и престиж. Все тот же престиж масштабности и грандиозности своей деятельности.

Государство и общество интересует проблема охраны природы, а ведомство — максимальное (толковое и бестолковое) использование всех ее ресурсов.

Государство и общество интересует проблема повышения производительности труда, а ведомство — увеличение собственных штатов.

Государство и общество заинтересованы в том, чтобы средства были сосредоточены на важнейших строительных объектах, а ведомства плодят и плодят незавершенку.

Почему так? Причин и условий для этого много, часто это причины серьезные, объективные. Вот государство решает создать новое ведомство и разрабатывает для него широкую, государственную программу деятельности. Но в этой программе разные пункты, одни исполнить сравнительно легко и доходно, другие — трудно и в ущерб собственному бюджету. Каким пунктам программы ведомство будет отдавать предпочтение? Конечно, первым. И вот уже вся его деятельность получает крен, искажается. И в самом деле, почему в применении к любому хозяйству или предприятию принцип материальной заинтересованности признается вполне, а для ведомства он не существует?

И вот уже руководитель ведомства парирует обвинения в свой адрес таким образом: государство и общество требуют и говорят, а делаю-то я!.. а я могу делать только так, чтобы это было и в моих интересах, и уж во всяком случае не вопреки им!

И действительно, государственный аппарат, а Госплан прежде всего, наверное, должен перестраиваться и перестраивать свои отношения с ведомствами. Как? Пока не берусь судить. Берусь только ставить вопрос. Вот появятся в портфеле нашей редакции отклики на эту статью, всякого рода материалы и предложения,

вот тогда и подумаем, не без пользы подумаем! Тут и государству и обществу предстоит приложить много сил. Другое дело — контроль над ведомством. Здесь дело проще прежде всего потому, что очевиднее: контроль, а в более широком смысле воздействие на ведомство должно, как правило, вестись не с одной, а с двух сторон, должно осуществляться и государством и обществом. Вот к этому второму виду контроля (воздействия) наши ведомства не только не привыкли, но и относятся к нему с пренебрежением, не верят, что он возможен, а тем более что он необходим.

При этом немаловажное значение имеет и то, что наши ведомства предпочитают больше заимствовать от департаментов и меньше — от наркоматов.

И так прошло полгода с момента отмены проекта переброски, и что же? Минводхоз вовсе не воспринимает это как факт, опровергающий стиль его работы, нет, это для него всего лишь эпизод. Может быть, неприятный, и только. Отдельный случай. Частная неудача — не более того. А все остальные его проекты — безупречны. И вот уже заместитель министра товарищ Б. Г. Штепа демонстрирует участникам Прикаспийской экспедиции, организованной Комиссией при президиуме АН СССР по изучению производительных сил и природных ресурсов под руководством академика А. Г. Аганбегяна (начальник экспедиции — кандидат технических наук И. Я. Богданов), строящийся параллельно существующему канал Волга — Дон, а член-корреспондент АН СССР Г. В. Воропаев повторяет все те же опровергнутые наукой и общественностью ведомственные доводы на заключительном совещании экспедиции в Москве. Ведь и это строительство вызвало множество критических замечаний, а кто их принял в расчет? Невероятные просчеты и ошибки в деятельности Минводхоза СССР налицо. Поступают и поступают сигналы бедствия — Кара-Богаз, Сасык, земли Каракалпакии. Ведь с какой тревогой обо всех этих и еще многих-многих других объектах писала наша пресса — вот бы и организовать там проверки группам народного контроля, если на то пошло — и общественного контроля, представителей печати...

Вот бы еще и узнать, почему вдохновитель проекта Г. В. Воропаев и до сих пор является главным экспер-

том Госплана,— видимо, его «опыт» особенно ценен?!

Узнать — кто же это столь неустанно заботится о перебросчиках, чтобы ни с чьей головы не упал ни один волосок? Чтобы им не пришлось объяснить общественности свои ошибки ни в печати, ни по телевидению — никак?..

Сколько и как общественность воздействовала на это министерство, а ведь ни одного сколько-нибудь вразумительного ответа так и не получила. И не получает. Проект переброски правительством и партией признан несостоятельным, он ликвидирован, он закрыт — так ведь должен же Минводхоз объяснить общественности, всему народу, что произошло, почему произошло, кто виноват? По элементарной логике ответ должен быть обязательно. По логике самого министерства и Госплана — совсем необязательно, наплевать им на это дело, угробили не то 500 миллионов, не то миллиард, только-то и всего. Ну, поволновалась общественность — и дело с концом...

Снова возвращаясь непосредственно к предмету нашего разговора, вспомним, что и здесь имело место все то же расхождение между интересами государства и общества, с одной стороны, и ведомства — с другой; общество интересовала проблема повышения урожайности, ведомство — объем земляных работ, предстоящих на строительстве новых каналов.

Чем этот объем больше, тем ведомству выгоднее — вот в чем дело.

Ведь нулевой цикл — «непыльный» цикл, он не требует многочисленных смежников и поставщиков, возможности приписок, особенно в зимний сезон, неисчерпаемы, работы просты и куда как выгодны — значит? Значит, копаем и перекапываем прежде всего, а потом уже и все остальное. (Включая в остальное и проблему повышения урожайности, и научное обоснование перекопки.)

Ведь это только на первый и самый поверхностный взгляд «проект века» — высокая и далеко не всем доступная наука, на самом же деле это подлинный примитив: не хватает воды в одном бассейне — перебросим ее из другого, что может быть проще? Разработать и осуществить систему экономии оросительной воды; внедрить в производство современные способы полива — куда как сложное дело, вот и отложим его на по-

том, а сейчас — переброска! Тем более что и наука в лице того же Г. В. Воропаева — за.

И значит, проектируем переброску в бассейн Кубани 6 кубокилометров в год, а теряем там при орошении 9 кубокилометров и слышать не хотим о том, что объем неиспользованного в бассейне местного стока составляет 70 кубокилометров!

Проектируем канал длиной 2400 километров, шириной 200 метров понизу с перекачкой на 110 метров для переброски 27 кубокилометров из Сибири в Арал стоимостью (вместе с обустройством) около 100 миллиардов рублей, а теряем в Средней Азии 49 кубокилометров, заболачиваем и засоляем в связи с этим миллионы гектаров ценнейших земель. И поливаем в Средней Азии так же, как и тысячи лет тому назад,— с помощью кетменя. Ученые подсказывают, что в Средней Азии сосредоточены солидные запасы подземных вод, но эти запасы подождут, они под землей, а вода Сибири — на виду. Перегнать ее в Среднюю Азию, и вся недолга!

Разве тому же Минводхозу никто никогда не указывал на то, что он давно забросил так называемые сухие мелиорации и противоэрозионные мероприятия, проект которых тщательно разработан Росземпроектом? Сухие мелиорации не связаны с риском засоления, заболачивания и эрозии земель, которые в той или иной степени, но почти неизбежно сопутствуют орошению.

Поскольку сухие мелиорации в расчете на один гектар в 400—500 раз дешевле водных, ими можно было бы охватить весь наш земельный фонд, а не только «поливной клин», избранный Минводхозом для вложения огромных средств, но только на одной трети своей площади дающий проектные урожайности.

Столетний опыт Каменной степи подтверждает, что в этой зоне можно получать очень высокие и стабильные урожаи без орошения, высокая агротехника — вот что для этого нужно.

Но Минводхозу они невыгодны. И потому...

— Ерунда! Только орошение, только Минводхоз может решить продовольственную проблему.

Проект переброски части стока северных рек обещает прирост валового сбора сельскохозяйственных культур в лучшем случае 2—3 процента от заданий

Продовольственной программы, а при уборке и хранении мы теряем до 20 процентов урожая; куда же выгоднее вложить деньги: в строительство каналов или — элеваторов, овощехранилищ и дорог?

— Полная ерунда: строительство элеваторов — это уже не наше, это другое министерство! У них свой план, а у нас — свой!

Проект исходит из того, что уровень Каспийского моря из года в год понижается, а он за девять лет повысился на 1 метр 20 сантиметров, что составляет 450 кубокилометров, или 75 объемов годичной переброски по первому этапу проекта. Теперь, по выражению одного ученого, не Каспий надо спасать, а надо спасаться от Каспия, и Дагестан уже запрашивает 200 миллионов рублей на строительство береговых оградительных дамб.

— Ерунда! Уровень Каспия рано или поздно будет снижаться! И спасем его опять-таки только мы!

Ну, а если «только мы» и никто другой, так для нас и все средства хороши, все средства оправдает наша благородная цель, и не грех подтасовать и цифры и факты, полностью отказаться от экономических показателей, если они «не бьют».

И в проекте это можно, и на заседаниях можно, и в телепередаче, и на защите диссертаций. Так оно и было, когда диссертацию на соискание ученой степени доктора географических наук защищал главный инженер проекта А. С. Березнер, ни одной научной работы по географии за душой не имея.

Защищалось ТЭО — технико-экономическое обоснование проекта переброски, но без... экономических показателей. Невероятно, но факт.

Аудитория возмутилась, к соискателю посыпалось множество вопросов, причем «неудобных». Соискатель обиделся, заявил, что ему не созданы надлежащие условия, от дальнейшей защиты отказался. Обидно! Еще бы не обидно — ведь А. Л. Великанов-то, коллега, тихо-мирно защитился в Ленинграде.

Возникает вопрос: а где же была во время этой дискуссии наука? Та — настоящая, которая покоряет нынче космос?

В науке по этой проблеме возникли разные позиции. И обнаружилось разное поведение. Одни ученые и руководители институтов от участия в проекте укло-

нились, сознавая его неперспективность. Не случайны, например, сетования проектантов на то, что к обоснованию проектов не удалось привлечь ведущие экономические институты страны. Заметим сразу, что если это и удавалось, так результат неизменно был негативным. Иначе и не могло быть — экономически проект обосновать попросту невозможно. Проектировщиков это не смущало, у них испытанное средство защиты: стоило Институту экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения АН СССР под руководством академика А. Г. Аганбегяна сделать выводы о недостаточной экономической обоснованности проекта переброски части стока сибирских рек, как институт тут же был объявлен не справившимся с заданием.

Другие ученые (таких тоже оказалось немало) послушно занялись обоснованием проектов по заказу их авторов. Ведь лавры соавторов «проекта века» соблазнительны. Да и не только лавры.

По опубликованному признанию Г. В. Воропаева, научные исследования по проблемам переброски речного стока начались только тогда, когда основные проектные решения были уже предопределены. При попустительстве Госплана СССР (вот он, бюрократический консерватизм, в действии!) из пятилетки в пятилетку, из года в год утверждались задания, единственной целью которых было (накануне экспертизы) научно обосновать уже разработанные проекты. Роль науки сводилась при этом к определению компенсационных мероприятий в связи с неизбежными ущербами, и в лучшем случае ей позволялось несколько изменить проект, скажем, изменить трассу переброски, а поскольку ущерб при этом пусть незначительно, но сокращался, это выдавалось за реальную экономию и рассматривалось как безусловное достижение научной мысли. Коренной же вопрос — быть или не быть переброске и нужна ли она в действительности — не ставился и не решался. Такая постановка вопроса считалась совершенно излишней.

Но были ученые и научные коллективы, казалось бы, очень далекие от конкретных проблем переброски, принявшие, однако, самое активное участие в разгоревшейся дискуссии. Прежде всего это были математики. Ознакомившись с методикой прогнозирования

уровня Каспийского и солености Азовского морей, многие из наших выдающихся ученых — академики Л. С. Понтрягин, Г. И. Петров, Н. Н. Красовский, А. А. Дородницын, Ю. В. Прохоров, А. Н. Тихонов, В. П. Маслов и другие — были поражены более чем низкой квалификацией авторов той методики, которую разработал Институт водных проблем, они обнаружили в этой методике грубейшие ошибки и прямую подгонку с целью «обосновать» понижение уровня Каспия, а значит, и необходимость переброски.

Итак, наука участвовала в решении этой проблемы неофициально, по собственному почину, помимо утвержденных планов своей деятельности, и официально, а в то же время, говоря мягко, весьма своеобразно — когда отнюдь не она сама определяла общее направление проекта, а проектанты определяли, какая наука им нужна и какая не нужна. Снова «только мы»: мы заказываем науку, мы знаем, с какими учеными нам водиться, каких гнать в шею. Ведь в пору своего золотого детства проект был согласован с самим президентом АН СССР академиком А. П. Александровым — что другим-то академикам надо? Их не спрашивают, а они — вот ведь еще какая неприятность — на свой собственный страх и риск — туда же!

Да, связь науки с производством — это хорошо и необходимо, но часто это дело оборачивается совершенно неожиданной стороной — значительно раньше того, как научные достижения внедрены в практику, многие атрибуты ведомственности оказываются внедренными в науку. А тогда и наука приобретает чисто ведомственные замашки и, вместо того чтобы доказывать, безапелляционно утверждает, пользуясь своим авторитетом.

Байкал? А кто сказал, что в Байкале обязательно должна быть чистая вода? — утверждает она.

Переброска? А мы утверждаем, что она нужна! Кто сомневается в нашем авторитете?

Если уж наука оказалась с самого начала в чем-то «завязанной» на этом проекте, тогда что же и говорить о Госплане, о Совмине, о других инстанциях?! Там многие отделы, подотделы и секторы в свое время дали проекту «добро», а позже не нашли в себе сил отступиться, признать свою ошибку.

А вот уже в этих-то связях и по вертикали и по горизонтали общественность разобраться никак не в состоянии, зная все то, что говорится в пользу проекта, она никогда не знала, что же все-таки может дать ответы на ее вопросы и сомнения. И не мудрено: ведь в разработке проектов переброски участвовало... 185 «организаций-соисполнителей»!!!

Она знала, что ее поддерживает печать, знала, что можно обращаться в ЦК и в Совмин, но ведомство, которое все это дело затеяло, было ей недоступно, оно не отвечало на многочисленные статьи, всякого рода протесты были Минводхозу как об стенку горох, что они есть, что их нет — разницы никакой.

И ответственные лица, которые обязаны давать общественности необходимые объяснения — директора, главные инженеры, министр и его замы, соискатели ученых степеней,— на этот случай как бы переставали существовать.

Еще один вопрос: ну, а как же тот «народ», который — проектировщики? Ведь не один же Березнер, или Великанов, или Воропаев, или Полад-заде проектировал переброску, ведь в проектировании принимала участие армия численностью в 68 тысяч человек. (Всего в системе Минводхоза занято два миллиона человек.) Неужели эти 68 тысяч были единодушны как один в оценке проекта? Они-то разве не общественность, а что-то другое?

Приходится согласиться — да, в большей или в меньшей степени, но они оказались чем-то другим. Уже по одному тому оказались, что не приняли участия в дискуссии, отстранились от нее. Их мнение в пользу проекта тоже могло ведь стать общественным, но при одном условии — если бы они высказали его во всеуслышание, если бы доказательно опровергли доводы против.

Но они молчали. Вполне вероятно, что они были за проект, но защищать его перед общественностью не хотели, передоверили это дело своему руководству: начальство знает, что делает.

Известно, что человек и вслух и тем более молчаливо склонен отстаивать свои собственные интересы почти независимо от того, большие они или малые,— лишь бы они были собственными. Тем более это так, если ему многие годы внушают, что эти его интересы

полностью совпадают с интересами государственными. Внушают постоянно и самыми разными способами.

Вот проектировщик приходит на работу, а в вестибюле мигает электрическими лампочками макет-схема переброски, великий проект века... И так каждый день, каждый год, не захочешь — поверишь. К тому же сколько инженеров из этого величия уже извлекли диссертации, сколько всерьез повысили свою квалификацию, в другой какой-то худенькой конторе человек ни в жизнь не проектировал бы крупный гидроузел, а здесь — проектирует. Что этот гидроузел входил в общую схему, которая никому не нужна и даже вредна,— это уже не его дело. Опять-таки это дело главного, дело директора. Главный отвечает за схему в целом. Если же кто-то из проектировщиков когда-то все-таки выступил против проекта — такого в коллективе давно уже нет... Сам ушел или не сам, но его нет, следовательно, коллектив здесь «дружный» и «сплоченный».

И снова надо еще сказать о том, чем же была та общественность, которая активно выступала против.

Вопрос-то трудный. Насколько ведомство очевидно по своему составу и порядку, настолько же общественность изменчива и неопределенна. Существует, действует, деятельность ее то разгорается, то затухает, но персональному учету она не поддается. А если бы поддавалась, так, пожалуй, тоже довольно скоро обратилась бы в какое-нибудь «ведомство общественного мнения». Да, так оно и есть, общественное мнение, общественность всегда находятся между полной неорганизованностью и заорганизованностью — и то и другое сводит дело общественное на нет, убивает его на корню. А ведь этого никак нельзя допустить, и мы в этом убедились — отсутствие общественного мнения прежде всего скажется на тех же ведомствах, которые тут же окончательно забудут свою первейшую задачу — служить обществу, а не самим себе и не друг другу.

Значение и настоятельная необходимость в общественном мнении определяются нынче еще и необходимостью видеть действительность такой, какая она есть, без ведомственного лоска и без ведомственной узости, наконец, видеть ее, действительность, не по отдельным частям, а в целом.

Что и говорить, без деятельности ведомственно-специализированной, без служебного взгляда на вещи, на все наши проблемы обойтись нельзя, но ведь обойтись только ими — нельзя тоже.

Этот взгляд всегда ограничен прежде всего потому, что он без конца расчленяет окружающий мир — единую природу — на самые разные природные ресурсы — водные, минеральные, земельные, лесные и так далее; общество — на профессии, народное хозяйство — на отрасли, государство — на учреждения. Эта стихия подразделений и разделений все возрастает. Разделяя же действительность и ее главные проблемы на части, на множество частей, ведомственность властвует над действительностью — принцип старый.

И только общество общими усилиями может создать более или менее целостную картину и самого себя, и окружающей его природы, и мира, и своей страны. Его прямое назначение — воспринимать жизнь в возможно широком и всестороннем плане. И каждую проблему тоже.

В случае, о котором идет речь, форма организации общественного мнения, по крайней мере в области научной, определилась с самого начала: в соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС на базе научных советов АН СССР была создана Временная научно-техническая экспертная комиссия по проблемам повышения эффективности мелиорации под председательством вице-президента АН СССР академика А. Л. Яншина.

Именно потому, что комиссия была общественной, она проделала работу, не выполнимую ни для ведомства, ни для самой академии, ведь она обращалась за участием и помощью к любому научному учреждению, к любому добровольному обществу и к любому гражданину. И никогда, ни разу не получила отказа, наоборот, «предложение» многократно превышало «спрос». Не было у комиссии ни канцелярии, ни машинисток, ни стенографисток, но и тут находились добровольцы, они вели «дела», и дело шло.

Какие бы специалисты ни требовались по ходу дела — агрономы, экономисты, юристы, кинематографисты, биологи, медики, математики,— все они были к ее услугам. Колоссальный общественный резерв, недоступный самому крупному ведомству!

Рассмотрение проекта переброски в работе комиссии занимало не столь уж большое место. Причины низкой эффективности мелиорации в сельском хозяйстве страны — вот тема и направление ее работы, и ее труды еще предстоит серьезно изучать многим ведомствам. Но это тема отдельного разговора, который, надо думать, состоится в недалеком будущем, это совершенно необходимо, чтобы проблема ставилась снова и снова со всей остротой, иначе лет через десять — пятнадцать наши водно-земельные ресурсы придут в окончательный упадок и мы окажемся одной из самых малоземельных и низкоурожайных стран.

Итак, без самой широкой гласности, без участия печати экспертная комиссия ничего и никогда бы не добилась.

Но тут имел место пример общественной организованности, точнее — сорганизовавшейся общественности. И дело еще вот в чем: наше общество нынче вполне подготовлено к решению экологических проблем, оно уже имеет в этом практический опыт.

Многие помнят, как был закрыт проект Нижнеобской ГЭС, который предусматривал затопление 135 тысяч квадратных километров (территории, превышающей площадь Чехословакии), и как до сих пор при самом активном вмешательстве ей не удалось отстоять пагубного загрязнения Байкала. Все еще окончательно не удалось, однако и это тоже опыт и его тоже надо использовать в самое ближайшее время. Ведь проекты переброски отнюдь не единственные в своем роде. Увы — отнюдь!

Сколько газеты писали и пишут о колоссальных потерях воды (и земель) в оросительных системах Средней Азии! Ведь положение-то у нас в этом смысле такое, что впору подавать сигнал SOS! Но, очевидно, мы не устраним эти потери до тех пор, пока не установим цену на воду, не введем стоимостный земельный кадастр и не научимся экономно использовать воду.

Ведь был же недавно осуществлен вредный, разорительный и безграмотный проект плотины, наглухо отгородившей залив Кара-Богаз от Каспийского моря! И разве дело прошлое — забытое дело? Нет, Минводхоз и Государственная экспертная комиссия Госплана СССР опять-таки должны ответить и на эти настой-

чивые запросы общественности — почему же этот проект все-таки был осуществлен, несмотря на протесты ученых, в частности АН Туркменской ССР? Кто здесь ответчик? Персонально? Почему этот вполне законный и необходимый государству вопрос неизменно встречает гробовое молчание? Кто кого здесь покрывает — Госплан Минводхоз или Минводхоз Госплан? Где народный контроль, который хватает за руку всякого, кто идет на разного рода приписки, и равнодушно смотрит на миллионные, на миллиардные убытки, которые совершенно безнаказанно наносятся государству и народу?!

Нет ответчиков... Значит, и дальше можно проектировать все что бог на душу положит ведомственной выгоды ради.

В ряде случаев невозможно поверить тому, как мелиораторы реагировали на выступления печати.

«Комсомольская правда» от 13 мая 1986 года приводит ответ Союзгипроводхоза на свою статью «Пересол» от 13 февраля того же года, в которой говорилось, что в Молдавии в результате орошения минерализованными водами гибнут земли, что на вредные проекты расходуются огромные средства. (Первая очередь строительства, о котором идет речь, обошлась в 106 миллионов рублей, а вся его стоимость — около миллиарда.)

И вот Союзгипроводхоз отвечает газете: «Авторы же, не поняв сути дела и опубликовав статью, нанесли ущерб коллективу института и главному инженеру проекта т. Прохорову В. В.». Следует несколько подписей и среди них... Прохоров В. В.

Проектировщики (и товарищ Прохоров В. В. тоже) ссылаются на положительный опыт орошения из озера Сасык: «...на сопредельных землях УССР». Но вот что говорилось об этом опыте незадолго до того: «Из-за грубого просчета проектировщиков на поля орошения была подана вода с высокой минерализацией из соленого озера Сасык... Колхозы и совхозы получают здесь урожай... в два раза ниже, чем предусмотрено проектом» (И ниже, чем на неполивных землях.— *С. З.*). Где же это говорилось? А вот где — в документах октябрьского (1984 года) Пленума ЦК КПСС. Однако даже и этот документ проектиров-

щикам (и товарищу Прохорову В. В.) нипочем. И ведь так же, как и в случае с Кара-Богазом, проектантов здесь и серьезно и тревожно предупреждали ученые Академии наук Молдавии. Нельзя этого делать, ни в коем случае нельзя, уговаривали они.

Но — опять-таки не уговорили.

Тем временем и дальше вопреки предостережениям Академии наук Украины и ее президента академика Б. Е. Патона проектируется переброска из Дуная в Днепр, тем же временем Гидропроект, всячески уклоняясь от гласности (испытанная метода!), и дальше разрабатывает страшный по своим экологическим последствиям проект полного зарегулирования стока реки Енисей каскадом из двенадцати плотин. Неужели колоссальные поймы Енисея и его притоков действительно пойдут под воду? И что станет с тепловым режимом Карского моря? С климатом огромного района?

Что станет с маленькой Латвией, какие потери ни за что ни про что понесет Белоруссия, если будет построена самая неэкономичная в каскаде ГЭС — Даугавпилсская?

Вопрос серьезный, общественность, специалисты двух республик волнуются, теряются в догадках, выступают в печати — Гидропроект молчит и молча делает свое дело.

И потому что в свое время не был достаточно проработан проект заградительной дамбы в Ленинграде, строительство ее вызывает нынче такие сомнения, такие тревоги.

И так же — без серьезных на то обоснований — остается и вызывает самые серьезные сомнения проект Ржевского водохранилища.

И так же...

Давно пора проектировщикам понять, что функции природоохранительные обществу нынче вполне доступны, по крайней мере на первом этапе. Следующий этап — разработка полноценной системы охраны природы, порядка экспертизы природопреобразующих проектов, создание природоохранного законодательства — это нашей общественности еще не под силу, этому нам надо учиться. Думается, что научимся. Тем скорее, чем скорее мы как общество осознаем свои возможности, осознаем и ту необходимость, которую

государство испытывает нынче в активном общественном мнении.

Не будет этого мнения — разве государство решит проблему борьбы с пьянством? Борьбы со всякого рода злоупотреблениями? Народного контроля в целом? Усовершенствования государственного аппарата тоже в целом?

Выше говорилось, что комиссия по проблеме эффективности мелиораций была создана в соответствии с поручением Политбюро ЦК КПСС и лично товарища М. С. Горбачева. Но правильнее было бы сказать по-другому — она была не создана, а санкционирована, учреждена, и после этого никто и никогда не определял ни ее состава, ни ее деятельности. Председатель комиссии сформировал ее, а дальше она сама определяла характер своей работы.

Комиссия официально изложила в правительстве свое заключение по проекту переброски 19 июля 1986 года, и Президиум Совета Министров СССР, заслушав соответствующее сообщение академика А. Л. Яншина, тогда же принял решение, с которого мы и начали эту статью.

Дороговато же обошелся государству и обществу этот «проект» — что-нибудь порядка 500 миллионов — миллиарда рублей. Точно эту цифру может назвать министр товарищ Васильев. Но не называет. Должно быть, стесняется.

Или считает, что миллиард туда-сюда в более чем десятимиллиардном годовом бюджете его министерства не столь уже значительная сумма?

Ни одно строительное министерство не располагает такими колоссальными средствами.

Это ведь общественная экспертная комиссия академика Яншина никому не стоила ни копейки, а каждый шаг, каждый жест ведомства стоит денег да денег.

И это тоже одна из причин, по которой общественное мнение надо с самого начала включать в «расчетные нагрузки» крупных проектов, прежде всего — природопреобразующих. С самого начала в то время, когда проблема только еще утрясалась в верхах — академических и ведомственных,— уже была необходима гласность, уже тогда и надо было выявлять и обсуждать все слабые стороны будущего проекта, а

не прятать их от «посторонних» глаз (в том числе и от глаз многих государственных экспертов), не выступать с безапелляционными заявлениями, со всякого рода интервью и в советской и в зарубежной печати по поводу великих достоинств великого проекта, не заявлять во всеуслышание, что вопрос окончательно решен и, следовательно, обсуждать его дальше — бессмысленно. Надо было обстоятельно отвечать на критические статьи, а не отмахиваться от них.

Но что-то слишком уж дорого обходится нам отчужденность любого ведомства от общественного мнения. Слишком дорого всякий раз, как это случается.

* * *

Да, социализм оказался на редкость жизнеспособной и терпеливой формацией. Каким только агрессиям, интервенциям, блокадам и эмбарго он не подвергался извне — а вот устоял! Каким только чрезвычайным положениям и происшествиям мы не подвергали его сами в силу необходимости, а иногда и безо всякой необходимости, по привычке мыслить безвариантно, по привычке не столько искать в нем, сколько требовать и требовать от него — он устоял! Социализм обрел нынче в мире прочное политическое положение, у него — непререкаемые достижения в области культуры, ему необходимо экономическое упрочение, а разве этому способствуют прожекты, подобные «переброске стока»?!

Так не настало ли наконец время с умом использовать все его возможности, в частности возможности природные и общественные, критически учесть их, а еще вернее — свои собственные недостатки, а то ведь поздно будет?!

Время наступило такое, о котором можно сказать: сейчас или никогда! Можно сказать: если не мы, тогда кто же?

На такие-то размышления наталкивает дискуссия по поводу проекта переброски части стока северных рек...

Как это ни грустно признать, но ведь выигрыша-то, по существу, не оказалось ни у кого, все в проигрыше — и ведомство, и государство, и общество. Плакали народные денежки, вложенные в проект. (И в

другие подобные проекты.) А все те силы, которые мы называем общественным мнением и которые затратили столько энергии ради доказательства того, что дважды два — четыре,— они-то что выиграли? Дело ведь с самого начала было настолько очевидным, что диву даешься, каким образом Минводхоз, а вкупе с ним Институт водных проблем АН СССР путем одних только бюрократических процедур и проволочек могли столько времени удерживать свой проект на плаву?!

По существу, средств защиты у них никогда и не было — не было новых доказательств, которые могли бы возникнуть по ходу дискуссии, ничуть не укреплялись и исходные посылки проекта, наоборот, они только теряли, подвергаясь уничтожающей критике. Имея в виду резкое повышение уровня Каспия, можно сказать, что эти посылки были опровергнуты и самой природой.

Природа была против, общество — против, зато ведомство — за. И ничто так и не могло поколебать уверенности сторонников проекта в том, что в конце концов они возьмут верх. Ведь вопреки существующему законодательству они даже открыли строительные работы по проекту, который не прошел экспертизы в целом. Это ли не нарушение государственной дисциплины? Это ли не предмет для расследования? Для далеко идущих заключений и выводов. Для того чтобы отнестись ко всей последующей деятельности Минводхоза и Института водных проблем критически, с особым вниманием и с той же степенью гласности, которая пока что лишь на одном — только на одном! — этапе остановила это министерство от безрассудных действий.

На общем собрании Академии наук СССР в октябре 1986 года Институт водных проблем АН СССР подвергся очень резкой критике.

В Академии наук произошло ЧП! — так академик Г. И. Петров охарактеризовал в своем выступлении деятельность института, связанную с переброской. Специалисты, и прежде всего руководство этого института, проявили не просто низкую квалификацию, но явную недобросовестность. Неужели и эта критика не даст результатов? Или же и до сих пор Минводхоз и Институт водных проблем остаются неприкосновен-

ными и неподотчетными ни науке, ни общественности, остаются «зоной вне критики»?

И если бы не решения XXVII съезда партии и не перемены в нашем обществе — переброска развертывалась бы в эти дни полным ходом, как полным ходом вопреки общественному мнению и здравому смыслу развернулось когда-то строительство целлюлозно-бумажного комбината на Байкале. Этому мы тоже научились — в ударном порядке и куда как организованно доказывать ведомственную «правоту» там, где ее нет и быть не может.

Байкальская-то проблема тоже ведь развернулась при самом активном участии Академии наук в лице академика Н. М. Жаворонкова, который и до сих пор остается при «своем мнении».

Так или иначе, а ведомство и сейчас не унывает: мол, ничего, потерпим, а лет через пять возьмем свое. «Щелкоперы во всем виноваты, журналисты и писатели. Ну и кое-кто из ученых. Потерпим. И свое возьмем!»

Но призыв партии и государства к переменам — уже перемена, причем важнейшая. И обращен этот призыв прежде всего к общественности. Не к самому же себе будет обращаться с призывами государственный аппарат, для этого у него есть другие средства — приказы, указания, постановления, взыскания, поощрения. Но наступает момент, когда всего этого оказывается мало,— нужны перемены принципиальные. Чем их больше, тем активнее становится общественное мнение, чем активнее оно — тем больше перемен.

Одно другим формируется, одно — причина другого, и то и другое — это уже новое время, время обновления.

Таков опыт этой дискуссии — события исключительного общественного значения. Этот опыт ни для кого не должен пройти даром, он — достояние года и минувшего, и предстоящего, и многих последующих лет, поскольку процесс перемен — необратим.

Новый мир. 1987. № 1.

ПРОЕКТ:
научная обоснованность и ответственность

Взятый партией курс — перевод социалистического общественного производства на рельсы интенсификации, улучшение его структуры, дальнейшее совершенствование хозяйственного механизма и управления в целом — вызывает чувства глубокого удовлетворения у каждого советского человека. В докладе товарища М. С. Горбачева на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС были убедительно показаны принципиальные направления в решении этой проблемы, подчеркнута необходимость глубокого осознания сложившейся ситуации и смелых, энергичных действий. «Исторические судьбы страны,— говорилось на Пленуме,— позиции социализма в современном мире во многом зависят от того, как мы дальше поведем дело». Там же было подчеркнуто, что нужно активизировать человеческий фактор, добиться того, чтобы каждый на своем месте работал добросовестно и с полной отдачей.

Все мы с большим интересом следили и за совещанием в ЦК КПСС по вопросам ускорения научно-технического прогресса. Оно дало реалистическую оценку положения дел в нашей экономике, а научно обоснованная концепция дальнейшего социально-экономического развития страны единодушно поддерживается всеми нами как важнейшее общенародное дело.

Советское общество уже давно доказало миру, что оно способно справляться с такими задачами мирного и военного времени, которые никакому другому обществу были бы не под силу. И теперь этот огромный опыт должен быть использован полностью. Причем не только он сам как таковой, но и тот экономический и духовный потенциал, который он создает. Однако для того чтобы и то и другое было реализовано в выработанной стратегии с наилучшими результатами,

каждое наше начинание, каждый замысел и проект должны находиться в руках таких людей, которые в состоянии освоить опыт прошлого и правильно оценить все возможности, все требования не только ближайшего, но и сравнительно отдаленного будущего.

На встрече с металлургами в Днепропетровске товарищ М. С. Горбачев подчеркнул, что перевод производства на качественно новую техническую основу предъявляет новые требования к знаниям, к квалификации кадров.

От того, насколько кадры удовлетворяют этим требованиям, и, разумеется, от их ответственности, гражданской взыскательности и добросовестности зависят доказательность и обоснованность принимаемых ими решений — обоснованность научно-техническая, экономическая и общественная. Последнее особенно важно, так как без осознания массами общественной значимости той или иной проблемы нельзя должным образом активизировать человеческий фактор.

Вот и советских писателей волнуют поднятые ныне партией вопросы, побуждают со своей стороны принять участие в психологической перестройке общественного сознания в духе новых требований. Разумеется, разные стороны жизни привлекают их — тут уже дело склонностей каждого и тех привязанностей, без которых писателя, в сущности, нет, и, конечно, дело собственного, личного опыта.

Меня, допустим, попросту не могут не волновать проблемы мелиорации и водного хозяйства хотя бы потому, что я работал в этой области не один десяток лет.

Еще в ту пору, когда я сотрудничал в Сибирском отделении АН СССР, мне пришлось под руководством академика Пелагеи Яковлевны Кочиной принимать участие в проведении совещания по комплексному освоению Обского бассейна. В работе конференции участвовали представители самых различных, преимущественно научных организаций, и все они решительно высказались против строительства Нижнеобской ГЭС.

И что же? Пока суд да дело, пока академические издательства собирались публиковать материалы этой конференции, Гидропроект в очередном издании своих трудов сделал сообщение, из которого следовало, что никакой критики в его адрес не было, а были от-

дельные частные замечания, которые он принимает с благодарностью...

Только перспектива затопления нефтяных и газовых месторождений, называемых ныне «тюменскими» и «томскими», никого уже не устраивала, разве только одно ведомство, которое и тут доказывало, что с искусственно намытых островов нефть в Заполярье добывать будет удобнее, чем с суши (и что по этой причине часть затрат на осуществление проекта должны принять на себя министерства нефтяной и газовой промышленности СССР!).

Недавно я узнал, что нефтяники провели свои расчеты и установили: затопление принесло бы многомиллиардные убытки.

Ну и что? Охладило ли все это ведомственный пыл гидроэнергетиков? Да ничуть! Не пошли, видимо, впрок «уроки» проектирования Нижнеобской ГЭС, очень уж быстро забылась та критика, которая развернулась тогда на страницах нашей печати. А жаль! Очень полезно было бы гидроэнергетикам и гидротехникам время от времени возвращаться к материалам, опубликованным в №№ 3 и 9 «Коммуниста» за 1963 год, к статьям в «Литературной газете» того же периода — многое из того, о чем мы пишем здесь, уже тогда было рассмотрено достаточно квалифицированно, и были сделаны выводы, не только не утратившие своего значения по сей день, но и поучительные на перспективу.

Проект... Проект, проектирование — понятие, которое всегда имело определенный социальный смысл, весьма ответственное содержание задолго до появления социализма. И мы привыкли относиться к проекту с почтением и доверием. А как же иначе? Ведь все, что мы построили и создали в нашей стране, все, что за невиданно короткий срок вывело ее в число наиболее развитых стран мира,— все это прошло через стадию проектирования и проекта. С проектов начиналось и строительство нового, социалистического общества.

Тем более мы должны поддерживать моральный престиж проекта теперь, когда решаются столь грандиозные проблемы научно-технического прогресса. Если рассматривать даже один, отдельно взятый проект, то часто это уже не столько «строительный объ-

ект», сколько долговременная, рассчитанная, может быть, на века система, которая к тому же должна быть воплощена в жизнь в кратчайший срок.

В условиях научно-технической революции значение проектов и проектирования неизмеримо возрастает. Еще не так давно мы говорили о преобразовании природы как о долговременной перспективе. А сегодня отдельные проекты по своим масштабам, по сумме вовлекаемых средств, по интенсивности воздействия на естественные природные процессы таковы, что подходить к ним так, как мы до сих пор подходили,— сугубо технически и узковедомственно — совершенно недопустимо.

Просчет, пусть даже на первый взгляд незначительный, ошибка, скрытая при обосновании проектного решения, самонадеянность в рискованном предприятии, игнорирующая некие «частности» и «мелочи», ведомственный эгоцентризм — все это в современных условиях оборачивается такими издержками, которые потом способны перекрывать значимость достигнутых показателей. Особенно если при этом допускается вторжение в природную среду, нарушается сложившееся в ней равновесие. Природная среда в результате нашей деятельности уже «накалена» до предела, и можно ли рисковать, когда речь идет о том, что предел этот мы не сегодня-завтра запросто перешагнем?

Но проектанты рискуют. Рискуют хотя бы в силу традиционно сложившейся психологии, поскольку они привыкли к точным расчетам, там же, где точности добиться нельзя, они не только ничего не считают, но часто и не мыслят. И полагают, что в этом «нет ничего страшного». Нередко задание на проект поступает без должного, а то и безо всякого научного обоснования. И только тогда, когда технико-экономическое обоснование уже готово, вспоминают об этом. Тогда же в спешном порядке начинается срочное «подкрепление» проектного задания разного рода заключениями консультантов, случайными и наиболее доступными выкладками «за» («против» в расчет не принимаются — некогда!).

Вопреки такому порядку (а вернее, беспорядку) должно быть установлено неукоснительное правило, по которому крупное, а тем более природопреобразующее проектирование не должно начинаться без пред-

варительных строго научных разработок, без объективного сопоставления всех «за» и «против». С науки такие проекты должны начинаться, наукой же и кончаться — таково требование научно-технического прогресса. Технический проект — это прежде всего техническая разработка научно обоснованной рекомендации, а потом уже все остальное.

Во что бы то ни стало мы должны научиться оценивать проекты не по той степени точности, с которой рассчитаны отдельные их элементы, а по тем *неточностям,* которые могут быть проектом допущены.

Вот, к примеру, проектируется оросительная сеть. Разве кто-нибудь скажет точно, какова может быть при этом степень засоления земель? Инженер, руководитель проекта, формы ради запросит мнение консультанта-почвоведа, консультант напишет заключение, что, мол, при оптимальном поливном режиме засоление почвам не грозит. Все прекрасно знают, что мера ответственности автора подобного заключения более чем сомнительна, но ведь и доказать эту сомнительность тоже никто не сможет. Если же засоление будет иметь место, значит, не тот был поливной режим (а он всегда не тот!).

Нет, не таким должно быть заключение! Оно обязательно должно включать соображения о степени возможных отклонений от прогнозируемых величин, иначе говоря — о своей собственной точности. Значит, и о своей ответственности. Если бы тот же консультант написал, что ошибка может быть и двух- и трехкратной, то по-другому оценили бы свой проект и сами проектировщики и эксперты. И это нисколько не умалило бы авторитет консультанта — не может же он быть точнее и умнее своей науки.

Да, как бы это ни было и трудно и сложно, а время требует, чтобы мы отдали себе отчет в точности наших «точных» расчетов, поскольку отклонения (в природопреобразующих проектах) здесь все еще возможны десяти-, стократные и более. Пример тому — проектирование некоторых объектов на Байкале, на Дону, на Дунае. Нам надо научиться предвидеть возможные изменения климата, атмосферных и почвенных условий, последствия демографического и, конечно, экономического порядка.

Скажем так, при проектировании мостового проле-

та или фундамента инженер «нагружает» их теми экстремальными нагрузками, которых, по всей вероятности, сооружение никогда так и не испытает; после этого вводится еще полуторный (а то и двойной) коэффициент запаса прочности; плотины проектируются на пропуск паводка повторяемостью один раз в 10 000 лет. Но кто скажет, каков коэффициент запаса при оценке влияния плотины на окружающую среду?

Вот построена плотина, как правило, со значительным перерасходованием средств против сметы. Как его компенсировать строителю? Прежде всего по той статье, которая имеет самое большое значение в смысле возможных последствий, в смысле влияния на окружающую среду,— сэкономить на затратах по водохранилищу. И вот уже отменяется строительство оградительных дамб, затем прекращаются берегоукрепительные работы, не проводится сводка леса в ложе водохранилища, лес сжигается. Иногда строители не успевают даже сжечь лес и попросту его затапливают, ведь подпирают сроки сдачи гидроузла государственной комиссии, значит, «давай, давай!». Если же лес затоплен — неизбежно его гниение, а если гниение началось, оно не кончится: процесс этот практически необратим и ведет к образованию в воде токсинов.

Мириться с этим дальше нельзя — нужны принципиально новые критерии оценки таких проектов. Тысячи лет мы пользуемся такой единицей измерения, как рубль или же любая другая денежная единица. Но вот наступило время, когда универсальность ее оказалась далеко не достаточной во многих сферах нашей деятельности, и прежде всего при оценке природопреобразующих проектов. Ведь подобные проекты вовлекают в орбиту своего воздействия такие природные тела и сферы, как живое вещество, атмосфера, поверхностные и подземные воды, почвы на огромных территориях, которые не могут быть оценены в денежных знаках. Следовательно, мы должны создать некую относительную шкалу ценностей природных условий и элементов по степени их «полезности» и, помимо денежного выражения, оценивать проекты еще и по этой шкале.

Или, может быть, надо определить критические пределы загрязнения вод и атмосферы, насыщения почв химикатами, минимальные размеры залесенных

площадей, а затем оценивать, на сколько же «шагов» тот или иной проект приближает нас к этому пределу?

При современной технике мы *можем* очень многое, но «можем» и «можно» — разные вещи. У «можно» есть альтернатива — «нельзя», «не следует», «не нужно», у «можем» такой альтернативы часто не бывает, оно обходится без всего того, что мы называем борьбой противоположностей, и выдает себя за необходимость: раз мы *можем*, значит, *нужно!* И теряется чувство предусмотрительности, ответственности. Техническая идея становится для проектанта idee fix. Если она так или иначе объяснима в поведении изобретателя, то для проектировщика это неприемлемо, так как всегда должна существовать возможность выбора вариантов и критического отношения к любому техническому средству и приему.

Кроме того, мы ведь передаем следующим поколениям не только те или иные сооружения. Мы передаем и этику наших производственных отношений, и культуру взаимодействия с природой, нашу ответственность за будущее, которое закладывается в сегодняшних предначертаниях.

Где проектант и может и должен проявить свои способности, так это в выборе варианта, все остальное не более чем частные подтверждения общей идеи все того же выбора. А с чего начинается выбор «оптимума»? Что и с чем при этом сравнивается?

Разные варианты часто сопоставляют по так называемым «приведенным затратам», под которыми понимается сумма капиталовложений, отнесенная к нормативному сроку окупаемости проектируемого объекта. Таким образом, «приведенные затраты» не могут учитывать последствий проекта, это величина отвлеченная, и если она позволяет соотнести один вариант проекта с другим, то реального смысла и значения не имеет, в балансе ни одного учреждения, на счету ни одного банка не отражается — заказчик должен верить проектанту, что вот-де этот вариант лучше всех других и должен быть принят к исполнению — «приведенные затраты» так показывают. Реальный же смысл этого решающего показателя проектант не может объяснить и самому себе. Он сравнил по «приведенным» три варианта и выбрал лучший, но где гарантия того, что этот вариант всего лишь лучший из

трех плохих, а четвертый, действительно лучший, так и остался вне поля его зрения? Где учитываются возможные последствия, ведь приведенные затраты — показатель для этого далеко не полноценный? О возможных последствиях со знаком «минус» поговорили в самом начале проектирования, а потом о них забыли. Именно поговорили, потому что вопрос о последствиях часто сводится к вопросу о согласованиях — если горсовет или облисполком написали бумагу о том, что они не возражают против строительства того или иного объекта, значит, тем самым вопрос о многих последствиях «снят» раз и навсегда. Хотя никакого научно аргументированного обоснования под таким согласованием может и не быть.

Между тем проектировщик только тогда будет на высоте своего призвания, когда наиболее полно сможет представить себе все результаты реализации проекта. Этим проектировщик и отличается от строителя. Если же такого отличия нет, то оба они — и строитель и проектант — не более чем технические исполнители. Пожалуй, даже у строителя в его работе больше не только нервных затрат, но и действительной инициативы, ему всегда чего-нибудь не хватает — материалов, механизмов, рабочей силы, вот и приходится что-то чем-то заменять, маневрировать. А проектанту что? Он «согласовал», выдал «на-гора» рабочие чертежи — и только. Случается, что его чертежи строитель знает даже лучше, чем он сам. Он уже не хозяин своего детища, у него нет и права на авторский надзор... Впрочем, это для обеих сторон и спокойнее, хотя и безответственнее.

Так уже сам процесс проектирования уводит проектанта от проблемы последствий.

Проектные организации финансируются в порядке отчислений от сметной стоимости проекта, но не всей, а прежде всего от стоимости строительно-монтажных работ. В мостостроении, скажем, это вполне оправданно, но в том же плотиностроении — никак. Здесь объем и стоимость строительно-монтажных работ огромны, но они довольно просты и однообразны, чертежей и расчетов требуется сравнительно немного. Поэтому гигантомания и выгодна проектанту.

Гидротехнические сооружения вообще требуют наиболее полного учета *последствий,* тем более что по-

следствия эти ни для кого не секрет, они на виду — на виду зарастающие, зловонные водохранилища, всплывшая кверху брюхом рыба, размытые берега, заболоченные и засоленные пашни. Это когда-то, когда крупное проектирование такого рода только начиналось, можно было отмахнуться: «Ничего страшного не будет...» Ну а теперь? Теперь проектантам остается одно — не обращать внимания на факты, умалчивать о них и ждать, когда и как покажут себя последствия второго порядка — климатического, глобального. И тем временем проектировать новые узлы по старому образцу: максимум внимания строительно-монтажным работам, минимум — последствиям. Бездоходная же статья, эти самые последствия... Если бы не экспертиза, ими вообще можно было бы пренебречь.

Ну, а теперь о конечной стадии проектирования, в которой определяется стоимость объекта. Собственно говоря, стоимость — это уже первое последствие, и потому, что оно самое первое, всем видимое, отложить его, отмахнуться от него никак нельзя.

Так вот, проектантам заранее известно, какую сумму государство отпускает на строительство объекта, а что делать, если сметная стоимость превышает эту сумму? Выход они находят такой: срочно отыскивается «заинтересованная» организация (или организации), на которую и списывается это превышение. В общем-то с точки зрения государственной это бессмысленно, потому что проект остается в прежней цене, и государство, если строительство начнется, так или иначе, а доведет его до конца, вложит столько средств, сколько потребуется, но тут важно другое — показать Госплану, что стоимость объекта ничуть не превышена. И вот уже сотня-другая миллионов рублей отнесена гидростроителями на счет министерства, скажем, рыбного хозяйства, поскольку плотина якобы «улучшит» условия рыборазведения, другие сто миллионов из тех же соображений — на речников. И тем и другим весь этот гидроузел поперек горла, сплошные убытки и дополнительные расходы, но гидростроители-то добились своего — «удешевили» проект точно на заданную сумму. Легко и просто. И проектанты воспитываются соответственно — учатся «экономить» таким вот способом!

Бывает, что проект вообще не поступает в произ-

водство, а ложится на архивную полку, и проектант предвидит это заранее. Так происходит, когда у заказчика остаются неиспользованные средства, и он не находит им другого применения. Подобный проект — своего рода находка: и «согласований» меньше и экспертиза проще (если дело дойдет до экспертизы). Тут уже обоюдная безответственность, которая часто сходит с рук и заказчику и проектной организации. Ну, а какое же чувство ответственности и добросовестности может вызвать такая «липа» у проектного коллектива?

Первое условие повышения качества работы — исключить из нее все лишнее, оставить за человеком или за коллективом одну-единственную обязанность — работать только по существу, по сути дела. И тогда дело это будет исполнено с самым высоким качеством.

Несомненно, что эту цель и преследовало в свое время постановление Совета Министров СССР, предусматривавшее резкое сокращение числа проектных организаций. И тем не менее... тем не менее их все еще так много — лишних, а в лишних организациях — лишних проектов, а в лишних проектах — лишних условностей.

И все это происходит потому, что каждое ведомство упорно стремится создать свою собственную проектную организацию. И не только создать, но и возвести ее в возможно более высокий ранг — проектную группу или бюро преобразовать в филиал, филиал — в проектный и даже научно-исследовательский институт! Тут уже настанет пора обзаводиться и своими (как их иногда называют, «карманными») кандидатами и докторами наук — престиж! Независимость! Все проектирую сам для себя и так, как хочу, как мне надо, ни к кому не хожу на поклон, и сам Госплан мне нипочем! Мой доктор наук, мой проект, да ведь и экспертиза хоть частью — тоже моя: сегодня мой доктор наук выступает экспертом по проекту соседа, а завтра соседский доктор — по моему проекту!

Ведомство всегда стремится доказать, что оно работает на высоком современном уровне, а для этого нужно обзавестись собственной наукой — научно-исследовательскими, технологическими и научно-проектными институтами. Последние даже имеют больше веса — они определяют перспективы, а с перспективами можно выйти прямо на Госплан. Совсем другой ко-

ленкор! Вот и отстаивают ведомства до сих пор надежные надведомственные оценки проектов, не установлен круг вопросов, решение которых было бы обязательным для каждого крупного объекта в смысле наиболее полного предвидения всех последствий, природопреобразующих прежде всего. Чье же это дело, если не самых высших научных учреждений? Уступать эту прерогативу ведомствам никак нельзя. Опыт строительства и эксплуатации предприятий целлюлозно-бумажной промышленности на Байкале и водохранилищ многих ГЭС это подтверждает. Подтверждает, что отнюдь не ведомственные это проблемы, а общегосударственные.

Нет смысла упрекать ведомство за то, что оно не справилось с оценкой всех возможных в результате строительства последствий,— это может быть вне компетентности его специалистов — упрек в другом: зачем оно берет на себя решение несвойственных ему задач, зачем в угоду своему узкому интересу принижает их значение?

А что же самая высокая, академическая наука? Она-то почему проявляет застенчивость? Тот же Институт географии АН СССР разве не мог бы гораздо активнее вмешиваться в такого рода проблемы и строже их оценивать? Но, к сожалению, случается и так: то или иное высокое научное учреждение, выполняя хозрасчетные темы по заданию проектировщика-подрядчика, оказывается уже в роли субподрядчика, в финансовой и даже моральной зависимости от своего «работодателя», и вот в такой-то роли оно выступает потом в качестве эксперта. А разве это допустимо? И не пора ли раз и навсегда отказаться от услуг таких «экспертов»?

На Науке с большой буквы лежит ответственность и задача выводить природопреобразующие проекты на орбиту общегосударственных доводов «за» и «против». Ей принадлежит и роль прогнозиста и роль главного историка крупных проблем.

Да, историка! Уместно и полезно было бы вспомнить, положим, такой факт. В 1931 году состоялась Всесоюзная конференция по борьбе с засухой, и тогда академик Николай Иванович Вавилов выдвинул вопрос об «осеверении» земледелия. В самом деле — развитие земледелия на севере, в районах исконно рус-

ского хлебопашества и животноводства, дальнейшая его интенсификация там — чем это не средство борьбы с засухой? Самые высокие урожаи и надои молока издавна получали на севере Европы, а не на благословенном юге, не во Франции и не в Италии. Вот и у нас в южных областях земли распаханы «под крыльцо», а на север мы все еще можем двигаться и двигаться хотя бы и за Полярный круг. В южные районы нам нужно будет доставлять воду, доставляем мы туда за многие тысячи километров и удобрения, а на севере воды достаточно, минеральные удобрения сравнительно близко (Апатиты, Соликамск), органические (торф, сапропель) — на месте. Сельскохозяйственная политика всегда сводилась к тому, чтобы сократить число потребляющих областей и как можно больше расширить число производящих. Концентрируя же земледелие на юге, на Дону и Кубани, мы пренебрегаем этим принципом и намерены доставлять воду и удобрения за тысячи километров с севера на юг, а сельхозпродукты — с юга на север. И сколько же при этом возникает проблем! Нужно создать огромный рефрижераторный вагонный парк, огромное складское хозяйство, еще более перегружать и без того перегруженный транспорт. Усложняются и проблемы стратегического демографического порядка.

Вот уж куда действительно надо обратить усилия, так это на северные области европейской части Союза, Тюменский север и Якутию, где население резко возрастает, а мы до сих пор доставляем туда продукты на самолетах и долго, наверное, еще будем таким образом доставлять. Уже сколько разного рода идей, сколько начинаний по проблемам сельского хозяйства возникало на нашей памяти, которые имели целью возродить и развить сельскохозяйственную культуру северных областей — Ярославской, Костромской, Кировской, Вологодской, Коми и Карельской АССР. Но что-то уж очень медленно движется это дело, причем часто не вперед, а назад.

Конечно, любой принцип хозяйственной деятельности не вечен, любой может быть отвергнут, но «опровержение умолчанием» — недостойное дело для науки. Вот и сейчас нам необходимо недвусмысленное на этот счет мнение хотя бы той же ВАСХНИЛ. Если же она молчит, то какой спрос может быть с техников-

проектантов? Если они и выберут в качестве первоочередного именно тот объект, который им самим интереснее и выгоднее, кто их поправит?

Кто веско возразит против всевозрастающего ведомственного диктата, против преувеличения ведомством своего собственного значения? Возьмем ли мы продовольственную или какую-то другую народнохозяйственную проблему и программу, ведомственные планы и обещания (а соответственно и заявки на материально-техническое снабжение и финансирование) таковы, как будто оно-то, ведомство имярек, и играет самую главную роль в решении всей проблемы. Дайте ему больше всех — и все будет в порядке!

И это чуть ли не всеобщее явление, при котором торговая сеть диктует свои условия покупателю, чиновник — посетителю, а ведомство — науке и народному хозяйству. В применении же к природопреобразующим проектам нужно подчеркнуть и еще одну аномалию — в области отношений между заказчиком и подрядчиком. Строитель — всегда подрядчик, он всегда выполняет чей-то запрос и заказ, такова была его роль и его место и тысячелетия назад, таковы они и сегодня. Но если подрядчик сам определяет, что, где и когда ему нужно строить, а что не нужно, сам изыскивает объекты строительства в натуре, сам их проектирует и доказывает полную состоятельность своих проектов заказчику, то последнему ничего другого не остается, как только подчиняться по принципу «ешь, что дают». Ведь у него же нет собственных средств для выполнения собственного проекта.

Как видим, в делах природопреобразующих система управления хромает. Надо ее усовершенствовать. Это тоже пример, та же область деятельности, к которой вполне уместно отнести слова, прозвучавшие на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Нужны незамедлительные и энергичные меры по всему комплексу проблем управления».

Заказчик лучше, чем кто-либо другой, знает свои нужды и те условия, в которых будут работать вновь созданные сооружения. И министерства, непосредственно использующие природные ресурсы сельского, рыбного, лесного хозяйства, газовой, нефтяной промышленности, и другие, несомненно, лучше, чем стро-

итель-подрядчик, оценят природопреобразующий проект, его необходимость и последствия.

Дело же строителя-подрядчика — быстро и с должным качеством строить, выполнять наилучшим образом требования заказчика.

Для пользы дела необходимо, наверное, тверже установить статусы министерств-заказчиков и министерств-подрядчиков. Заказчики должны быть и генеральными распорядителями средств.

Известно, что институт «Росгипрозем» Министерства сельского хозяйства РСФСР (ныне Госагропрома РСФСР.— *Прим. ред.*) разработал сравнительно недорогой проект простейших мелиораций и землеустройства для огромной территории, но сравнивался ли он с тем же проектом инженерных мелиораций «Союзгипроводхоза»? Нет, и здесь сказывается приоритет подрядчика перед заказчиком — заведомо утверждается, что проект «Союзгипроводхоза» лучше потому, что обещает больше.

Обещать-то он обещает, но вот в чем дело: потери при уборке, транспортировке и хранении сельскохозяйственной продукции превышают ожидаемый в результате осуществления проекта перераспределения вод прирост валового сбора, а если так, не проще ли вложить эти средства в строительство дорог, складов-хранилищ, дооборудование транспортных средств?

Или другой вопрос — зачем подавать в тот или иной район орошения все новые и новые объемы воды, если уже сейчас одна треть ее идет на сброс? Ведь известно, что, чем больше поступает воды в оросительную систему, тем выше процент сброса.

Далее. Орошение в разных регионах играет разную роль. В зоне пустынь оно является базой земледелия — нет орошения, нет и земледелия, но в зоне неустойчивого увлажнения оно не более чем средство повышения продуктивности уже существующих сельскохозяйственных угодий. Значит, здесь его повсеместно надо сравнивать с иными средствами того же назначения — с лесными, агрономическими, химическими и другими, может быть, не столь много обещающими, но зато более дешевыми и менее рискованными. Дело ведь заключается в том, что в почвах при влиянии на них сильно действующих коренных мелиораций происходят и коренные же, часто необратимые измене-

ния,— они или заметно повышают свое плодородие или теряют его очень часто навсегда. Таков риск: мы хотим получить побольше, но можем потерять все. Так оно нередко и бывает, когда в результате орошения почвы заболачиваются и засоляются. Но мы все еще не умеем этот риск учитывать и прогнозировать, больше того — не умеем составлять «прогноз на вчера», то есть научно и объективно обобщать собственный опыт строительства и эксплуатации водохозяйственных систем. Когда я читаю, что стоимость такой-то ГЭС окупилась в течение двадцати лет трижды, а то и четырежды, я знаю, что здесь имеется в виду строительная стоимость и только. Ну, а если бы мы учли еще и потери земель от затоплений и подтоплений, подсчитали бы стоимость всех тех сельхозпродуктов, которые могли бы получить, но не получили на этих землях, учли бы полностью убытки и затраты в рыбном хозяйстве, на речном транспорте, а в ряде случаев и те изменения, которые произошли в санитарно-гигиенических условиях,— что тогда? Каким бы оказался срок окупаемости той же ГЭС?

Но что-то я не встречал исчерпывающих публикаций на этот счет. В определении такого рода данных многие наши учреждения и службы как-то уж очень застенчивы.

И еще в продолжение той же мысли: орошение — самое дорогое средство повышения урожайности, и оно может дать эффект только на общем высоком уровне земледелия. Если этого фона нет, дело обречено на неудачу. Отсюда становится очевидной и та последовательность, в которой должны осуществляться мелиорации: от простейших и дешевых — к коренным и дорогостоящим, но никак не наоборот.

Мы живем в очень ответственное время. Если еще недавно само слово «будущее» было понятием отвлеченным и над ним задумывались только отдельные ученые и философы, то нынче мы, иной раз и не очень-то задумываясь, «производим» будущее ежедневно и ежечасно, определяем его черты во множестве своих замыслов и проектов, определяем его своими мыслями и, увы, недомыслиями. Сегодняшнее наше воздействие на окружающий мир таково, что оно не может быть только эпизодом и пройти бесследно. Что из природных ресурсов мы используем сами, а что оставим по-

томкам, каким общество перешагнет из XX в XXI век, каким будет сам человек, перешагивающий этот рубеж,— все зависит от нашей деятельности сегодня и в то же время — все это ближайшее, а может быть, и не только ближайшее будущее человечества. Научно-техническая революция потому и революция, что она уже сегодня определяет пути развития грядущего, и если сегодня не будут найдены вполне доказательные, надежные способы оценки крупномасштабных проектов, то завтра мы можем оказаться в весьма критическом положении. Потому и экспертиза проектов должна располагать не только данными «за», которые столь тщательно и целеустремленно подбирают проектанты (и в этой тщательности их далеко не всегда упрекнешь), но и доводами «против», проработанными столь же основательно. Эти «против» должно дать специальное, уже не ведомственное, а вышестоящее бюро «антипроектирования», назовем его так, в котором проект принимается уже как бы осуществленным, а просчитывается в обратном порядке на максимальные «нагрузки» и неблагоприятные обстоятельства работы сооружений и систем.

Это приблизит природопреобразующее проектирование к проектированию промышленному, где каждый конструктор знает, что созданный им механизм, прежде чем поступить в серийное производство, пройдет сначала испытания на полигоне или в поле в условиях предельных нагрузок.

Так испытываются новые типы и самолетов, и автомобилей, и сельхозмашин, но, поскольку природопреобразующие проекты испытать можно только в масштабе 1 : 1, «антипроектирование» в какой-то мере предотвратит риск непоправимых ошибок. Конечно, может создаться положение, при котором ни один проект подобного «испытания» не выдержит, однако «антипроектирование» и не должно выносить окончательного решения. Его задача — дать в руки экспертизы все те данные, которые не включены в проект.

Ведь «плюс» приобретает реальный смысл лишь в сопоставлении с «минусом». Сопоставления такого рода могут быть выполнены только специальными государственными комиссиями. На них целесообразно возложить и финансовую экспертизу, сопоставление смет проекта со сметами исполнительными. Этого, как пра-

вило, тоже не делается, и даже самой исполнительной сметы часто не бывает.

И еще одна задача совершенствования проектного дела — демократизация деятельности проектных организаций. Нельзя ограничиваться «согласовательными» письмами — природопреобразующие проекты обязательно нужно выносить на сессии местных Советов (областных, городских). Вызывает удивление то упорство, с которым проектанты то и дело избегают этого, казалось бы, совершенно естественного порядка вещей, ссылаясь на «дилетантизм» возможных судей. Заметим на это, что дилетантов сколько угодно и среди проектировщиков. Кроме того, общественное мнение в наших условиях — это просвещенное мнение, его представляют ученые, инженеры, люди, которые стоят «с веком наравне», прошли школу общественного воспитания и общественной деятельности. И не так уже многого они хотят — хотят, чтобы проблемы решались открыто и на высоком научном, а не только техническом уровне. Как тут не повторить ленинские слова, процитированные на апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС: «Мы знаем теперь свои задачи много яснее, конкретнее, нагляднее, чем вчера; мы не боимся указывать открыто на свои ошибки, чтобы исправлять их». У советских людей большая заинтересованность в повышении эффективности всего общественного производства своей страны.

Коммунист. 1985. № 13 (публикуется с сокращениями)

РАЗУМНЫЙ СОЮЗ С ПРИРОДОЙ

Итак, эпоха НТР — эпоха проблем войны и мира и проблем экологических.

Пришествие каждой новой эпохи всегда смущало человечество. И в самом деле, в пришествии этом неизбежно было заложено множество противоречий, которые предстояло решить. Однако возможности и способы их решения оставались неясными и спорными для мыслителей, причем не только выдающихся. И общественное мнение сходилось на том, что «время покажет» и «сама жизнь подскажет», как дальше жить и что делать и как эти противоречия устранять.

Но прежде чем находились ответы и подсказки на «главные» вопросы, наступала следующая эпоха, она тут же незамедлительно выдвигала свои собственные проблемы, в то время как не были решены проблемы предыдущих десятилетий. И таким образом, каждое поколение, освобождаясь от груза прошлого, всего того, что отжило свой век, все более и более отягощалось грузом будущего: каким-то оно будет и как-то мы сумеем его осуществить, да и вообще сумеем ли?

Нынче положение осложняется еще и тем, что неприемлем больше метод проб и ошибок, метод, при котором предпринимается та или иная крупная акция — техническая или научная, а потом уже делается попытка уяснить, что из этого получится. Это можно было делать при условии меньшей масштабности всякого рода начинаний, чем теперь. При современной технике и современных масштабах любая ошибка вполне может оказаться катастрофической, и даже — катастрофически-необратимой.

Писатели иногда говорят: я пишу по капле, но ведь в капле тоже способен отразиться весь мир!

Увы! — капля не отражает мир, особенно — современный, она на это неспособна, этого от нее нельзя

требовать, а следовательно, от себя следует требовать гораздо-гораздо большего.

Во всяком случае мы, литераторы, остро чувствуем свой долг перед величайшей и всеобъемлющей проблемой современности — «быть или не быть?» — во всех его аспектах.

А этих аспектов, в конечном-то счете, собственно, не так уж и много, их только два: человечество всегда существовало как бы в двух сферах и в двух отношениях — в отношениях людей между собой, в семье, на работе, в обществе, в государстве, в отношениях международных, столь трудных сегодня. И в отношениях с природой. Вот две сферы нашего существования. Они включают и технику, и науку, и социально-общественные проблемы.

Дело тут еще и в том, что техника всегда способна двигаться только вперед, осуществляя тот или иной проект и план, но способностью движения «назад», к обратной переделке того, что она уже совершила, к ликвидации последствий, если эти последствия оказались отрицательными, техника не обладает, и уж во всяком случае коэффициент ее полезного действия в этом направлении попросту ничтожен.

Обращаясь непосредственно к художественной литературе, мы должны сказать, что в поле ее зрения, в ее мир все еще не вошел мир техники с его собственными проблемами и с собственным мышлением.

Больше того, художественное творчество, в том числе и литературное, не только не стремится к проникновению в этот мир, но заранее чурается его, возводит между собою и техникой высокую стену — вот художественность, а вот — техника, вот журнал «Молодая гвардия», а вот журнал «Техника — молодежи», а между тем техника, будучи важнейшим компонентом современности, не должна выпадать из поля зрения художественного осмысления этой современности.

Может быть, именно в силу и этой искусственной разграниченности и ограниченности наша художественная литература не способна убедительно говорить о будущем, предсказывать его, создавать образцы «провидцев», без которых нельзя представить себе творчество таких писателей, как Чернышевский, Тургенев или Достоевский,

Далее.

Отношения народов между собой всегда были собственно историей человечества, составляли важнейшую главу этой истории, важнейшую, но все-таки не столь решающую, как в наше время.

И к этому обострению, к этой проблеме «быть или не быть?» мир привел отнюдь не социализм, это — результат развития капиталистического общества, которое построено на конкуренции, а конкуренция рано или поздно перерастает в военное соперничество и противоборство. Капиталу попросту необходим враг — никто и ничто не принесет ведь ему столько прибылей, как враг, как производство вооружений, а если врага нет — его надо выдумать.

Не социализм, а капитализм в самом начале нашего века изобрел мировые войны с их массовыми средствами массового уничтожения людей, не социализм, а капитализм осуществил две мировые войны и, будучи «умудрен» этим опытом, готовит и третью...

В очень важном смысле, в смысле отношения с природой, социализму повезло необыкновенно: ни одна страна в мире не обладает столь же значительными природными ресурсами, как Россия. Тут нам некого и не в чем упрекнуть. Тут не может быть претензий ни к кому. Природа оказалась нашим верным и преданным другом, я бы даже сказал больше: она отнеслась к нам слишком любовно, слишком избаловала нас.

И как порой бывает, к своему другу и союзнику мы отнеслись далеко не должным образом, более того — к противникам мы часто вырабатывали гораздо более разумную политику и линию поведения, чем к союзнику.

Уже в первые годы нашего социалистического существования даже от великих наших писателей можно было услышать о том, что вот, мол, вскоре мы решим проблемы международных и классовых столкновений, а тогда единственным нашим врагом останется... природа. С ней и будем бороться. И, вместо того чтобы искать с природой разумного союза, используя для этого все возможности, мы принялись природу покорять... Покорять и покорять. И отделять себя от нее, забывая о том, что мы — тоже часть природы, и, покоряя целое, мы неизбежно уродуем и ту ее часть,

которая — мы сами, и более того — мы опять приходим к той же самой проблеме — «быть или не быть?». И это, несмотря на то, что великий Вернадский — наш, а не чей-нибудь соотечественник и что именно он определил: если мы хотим жить и дальше, биосфера должна стать ноосферой, сферой разума.

Да, если еще недавно рассказ или повествование о природе были рассказом «биосферическим», рассказом отдохновения, когда на природе человек избавлялся от своих забот, отдыхал душой и телом, мыслью и чувством, набирался сил для дальнейшей жизни, то нынче природа требует от человека огромных ноосферических усилий для ее (и своего собственного) сохранения, она требует и ноосферического рассказа, а в этой перемене мест и ролей опять-таки повинна не она, а мы с вами.

Природа — предметна, и давайте же говорить теперь уже не о понятиях, а о предметах, тех самых, которые более всего необходимы для существования человека.

О том, как у нас используются водные ресурсы. Я буду говорить, обращаясь к сообщениям центральной печати. У меня масса газетных вырезок с мест из районов орошаемого земледелия, мне их присылают без конца, но я буду пользоваться только теми, которые у всех на виду.

Вот они.

«Комсомольская правда». «В долгу у земли». Беседа с членом-корреспондентом АН СССР В. А. Ковдой.

Ссылки на плохие природные условия у нас несостоятельны. Это неверно. Русские поля — родина эталонного чернозема. У нас из 300 миллионов гектаров мирового чернозема — 190 миллионов, или 70 процентов. Тогда почему же вложение средств не дает желаемой отдачи?

Потому что мы неправильно используем потенциальные возможности нашей земли. В. В. Докучаев утверждал, что чернозем, на котором Русь развивалась, этот богатырь может однажды надорваться. И вот он уже надорвался — плодородие его упало наполовину. Десятилетиями мы вкладываем в строительство оросительных и осушительных каналов огромные средства, напрасно ожидая обещанных урожаев.

Низкая агрикультура, примененная при орошении, обходится нам очень дорого. И речь не только о деньгах, зарытых на строительстве каналов,— разрушаются и сами черноземы.

Далее, еще одна статья в «Неделе» — «Чем дышит земля».

Планета ежегодно теряет 8 миллионов гектаров продуктивной земли. (У нас — приблизительно 100 тысяч гектаров в год). Нужно иметь службу учета и оценки земель. Две тысячи мелиорированных земель не дают проектной урожайности.

Каракумский канал: использовано 225 кубических километров воды за четверть века, почти годовой сток Волги. А недобор хлопчатника составляет 400 тысяч тонн. Гибнут пастбища, заболачиваются пустыни.

Украинские черноземы надумали орошать водами Дуная. Дунай — сточная канава Европы. (Не хватает нам своей грязи, доставляем за большие деньги европейскую.) По пути загубили лечебный Сасыкский лиман. Полная деградация 20 тысяч гектаров черноземов.

В Арало-Каспийском бассейне сбрасывается в реки 70 кубокилометров дренажных вод, а ведь они все засолены. Опасности подвергается вся среда нашего обитания.

У нас исчезает пресная вода. Нет уже пресной воды в том понимании, как это было 30—40 лет назад, ее минерализация повысилась во много раз. Поливные черноземы могут вскоре погибнуть. До сих пор не созданы образцово-показательные оросительные системы.

«Известия». 6 декабря 1985 г. «Зачем пустыне болота?» «Странно было видеть среди сыпучих, казалось, совершенно безводных песков такие обширные заросли. Еще труднее поверить, что несколько лет назад здесь шумели фруктовые сады, нежились сочные туркменские дыни, наливались солнцем виноградные гроздья. Это — «грунтовка» — подъем соленых вод в результате неумеренного орошения».

Строители («Главкаракумстрой») отрапортовали в свое время о досрочной сдаче спланированных земель и прокладке оросителей, подписали акты и ушли. Дренаж не был заложен в проекты. В районе (Гяурском) раньше орошаемый гектар давал продукции на 2—

2,5 тысячи рублей, а теперь редко где на 1,5. Деревья засыхают от... воды. И где? В пустыне.

Стратегию такого расточительного природопользования пытаются оправдать: надо торопиться с подачей воды все дальше и дальше, а заниматься землями, на которые она подана, некогда. И освоенные земли доведены до критического состояния.

«Правда». 15 декабря 1985 г. «О жажде и самотеке»: в результате орошения «полтораста скважин с насосами пришлось установить для защиты Ашхабада от подтопления грунтовыми водами».

«Правда» — мнение ученого А. Г. Бабаева — президента Академии наук Туркменской Республики.

Кара-Богаз — бесценный дар природы. В марте 1980 года его отсекли от Каспия с целью остановить обмеление Каспия, но вода в Каспии уже 7 лет как прибывает. И если даже учесть повышение уровня в результате изоляции Кара-Богаза, то оно составляет всего 12 мм. Так что никакого значения отсечение Кара-Богаза никогда и не имело.

Ученые забили тревогу, боролись 3 года, чтобы снова заполнить Кара-Богаз водой. В Министерстве водного хозяйства им твердо сказали, что нет, вода из Каспия обратно не пойдет. «Союзгипроводхоз» заявил: «перекрытие глухой дамбой было своевременным и правильным». Все-таки в 1984 году трубы в дамбе были заложены, вода снова стала поступать в Кара-Богаз. Но виновных так до сих пор и не обнаружено. А в Кара-Богазе произошли необратимые отрицательные изменения. Существенно изменился климат. Убытки объединения «Кара-Богазсульфат» составили 120 миллионов рублей.

Печать многократно спрашивала: кто виноват? Ответа по-прежнему нет! Все та же порочная круговая порука действует безотказно.

Мелиоративное «наступление» в Саратовской области ведут полтора десятка крупных строительно-монтажных трестов, более 30 тысяч рабочих, инженеров, служащих. Борьба за премии, высокая зарплата, громкие слова. За минувшую пятилетку в Саратовской области была орошена 131 тысяча гектаров.

План Волгоградской области на пятнадцатилетие — 1 миллион гектаров. Чем чаще мы слышали такие цифры, тем сильнее росло опасение: а не является

ли это гигантоманией? А что на них растет, на этих орошаемых гектарах? Растет камыш. Системы обслуживать некому. Нет людей. Все это результат погони за валовым показателем в выполнении плана строительства новых систем.

Сданы оросительные системы, на которых до конца не построены оросительные каналы. На орошаемых угодьях урожай — 4,5 центнера. У мелиораторов уверенность в безнаказанности: ничего, мол, все сойдет!

С речками и прудами дело обстоит так.

«Советская Россия». Автор Кирьянов, работник Минводхоза, начальник Азово-Черноморского бассейнового управления по регулированию, использованию и охране вод.

В водоемах за 30—35 лет вода настолько засолена, что пользоваться ею для орошения, безусловно, нельзя. В бассейне Кубани создано 1480 водоемов, но в хозяйственном использовании находится 18 процентов. Остальные воды напрасно испаряются, средняя глубина прудов — 1,2 метра, а испаряют они слой в 1 метр. В воздух уходит в 10 раз больше, чем приносится в Азовское море всеми речушками. Подтоплены огромные территории сельскохозяйственных угодий и сельскохозяйственных пунктов.

Так же, как и водой, Минводхоз распоряжается денежными средствами.

«Разговор с финансовым инспектором». Статья в «Известиях» «Средства можно не зарабатывать, а выпросить».

В Минводхозе несколько лет не выполняли план по взносу собственных средств на финансирование капитальных вложений. В 1984 году недодано 466 миллионов рублей.

За 1985 год — 474 миллиона. Министерству водного хозяйства нечем рассчитываться с поставщиками, с банком, задолженность превысила миллиард рублей.

И что же? Первый заместитель министра мелиорации Полад-заде запросил еще 270 миллионов рублей на погашение задолженности.

Понятно, когда нужно выделять средства на районы, пострадавшие от землетрясения. Но на оплату долгов и приемов?

Вот вам и эффективность мелиораций, о которой

так остро ставил вопрос товарищ Горбачев в Целинограде 7 сентября 1985 года!

В одном из номеров «Правды» — статья на ту же тему, министр финансов спрашивает: «Видели ли вы плачущих министров?» Как будто не видели. Оказывается, есть плачущие министры, в том числе министр водного хозяйства, который приходит и выпрашивает миллиард рублей — приблизительно такую сумму. Его просят обосновать этот запрос. Он отвечает такими доводами: «постановим», «увеличим», «урегулируем», «ускорим» и так далее. И министр финансов в удивлении, потому что нет никаких доказательств необходимости испрашиваемой суммы.

Одно с другим связано: как используется вода, так и денежные средства, КПД для того и другого одинаков.

И получается такая ситуация: предположим, в семье растет ребенок. Ему дают один рубль на расходы. Он 50 копеек разбрасывает, покупает что-то ненужное. Тогда ему дают еще рубль. И этого рубля ему не хватает. Ему дают два рубля, чтобы он учился их расходовать. Вот так, образно говоря, обстоит дело с Министерством водного хозяйства — оно десятилетиями учится пользоваться и водой, и деньгами, но никак не научится этому. Зато научилось запрашивать и то и другое в десятках кубокилометров и в миллиардах рублей.

Однако же, наверное, пора вернуться к задачам собственно литературным. Я не имел в виду сделать общий обзор состояния нашей литературы и всех тех публикаций в журналах, которые в большей или меньшей степени отвечают теме сегодняшнего разговора. Мне кажется, что, собственно, художественных произведений на эту тему у нас вообще не очень-то много, и только журнал «Наш современник» имеет совершенно определенную позицию — ту позицию, о которой можно будет судить и спустя годы, поскольку она не случайна, она последовательна.

Из произведений художественных я пока что хотел бы отметить повести, напечатанные в этом журнале: «У самого синего моря» Ивана Евсеенко (№ 3, 1986), который, на мой взгляд, как бы продолжает «Прощание с Матерой» Валентина Распутина (№№ 10, 11, 1976). Но если у Распутина повесть кончается вы-

селением людей с затопляемого острова, то у Евсеенко повесть с этого начинается: наполнено водохранилище — синее море, посмотрим, что же происходит дальше...

И автор, и читатель смотрят и видят, и глубоко, глубоко вздыхают от того, что видят.

Разумеется, что эти два произведения различаются между собой по своим художественным качествам, и тем не менее они составляют нечто общее, единый ряд в смысле развития событий.

Во главу же угла той литературы, которая говорит о современных отношениях человека с природой, я готов поставить «Царь-рыбу» Виктора Астафьева («Наш современник», №№ 4—6, 1976).

Вот где автор дает нам пример того, как художник может представить Природу в качестве не только картины, пейзажа, но и процесса и **действующего** лица, как может он соединить в нечто неразрывное целое процесс жизни природы и жизни человека.

Мне кажется, что наша критика, которая в общем-то много писала об этом произведении и высоко его оценила, тем не менее не уловила этого нового качества литературы, проявившегося здесь очень сильно.

Что касается публицистики по поводу природопреобразующих проектов, так здесь нам, писателям, специалисты говорят: вы вмешиваетесь не в свое дело! Толком ничего не знаете, а лезете!

Во-первых, давайте разберемся, кто во что вмешивается. Вот я написал книгу. Любой человек ее может читать или не читать — это его дело. Навязываться к нему я не могу, я к нему не вмешиваюсь.

У нас уже затоплено 2600 сел и 165 городов. Площадь под существующими и проектируемыми водохранилищами по суммарным размерам приближается к площадям такого государства, как Франция,— что это? Невмешательство в жизнь всех этих сел и городов?

Но даже если меня и не выселяют совсем, а приходит человек и говорит: стол у тебя в доме не на месте, перенеси его в другую комнату, кровать выкинь совсем — будешь спать на раскладушке, вынеси в коридор буфет... Вот так и с природой: эту речку повернем сюда, эту — туда, этот лес вырубим, здесь построим пруд... Но ведь это все: и реки, и леса — это

тоже мой дом, не в четырех же стенах я живу, почему же никто не спрашивает моего мнения? И опять-таки, кто к кому вмешивается — я со своей книгой к гидротехнику или гидротехник со своим проектом в мою жизнь?

Кроме того, наш опыт показывает, что, когда самая широкая общественность подает свой голос, права оказывается она, а не узкие специалисты. Так было с Нижней Обью, так было с Байкалом...

И еще нам говорят, что в технические проблемы мы вносим эмоциональность, которой тут не место.

Это последнее утверждение — принципиальное, важное, в нем надо разобраться. Человек сам по себе не лишен чувств, тогда почему же они исключаются из проблем его сегодняшнего и будущего существования? Почему наше существование должно решаться с точки зрения тех, кто лишен чувств? Тех, кому эмоции представляются делом сугубо личным и стеснительным? Но воспитанная эмоция — это ведь прежде всего то чувство меры в любой деятельности человека и даже в его мышлении, которое так необходимо в наше время.

Из эмоции возникает нравственность и этика, а этика, в недалеком прошлом бывшая не более чем этикетом, это то, что нынче опять-таки более всего необходимо современному миру во всех его проявлениях и проблемах. Нам нужна этика техники, этика политики, этика общественного поведения, этика международных отношений, и, что нужно подчеркнуть здесь особенно,— этика экологии.

Когда и как мы потеряли способность реальной оценки положения дел в водном (а значит, и в земельном) хозяйстве? Трудно сказать, но факт остается фактом — потеряли. Тем более мы попросту не только не умеем, но и не хотим учитывать **последствия** природопреобразующих проектов, а крупные водохозяйственные проекты — они ведь все природопреобразующие, все — рискованные, все — с необратимыми последствиями.

Если уж земли в результате водных мелиораций не улучшены, значит, они испорчены, середины здесь нет, а если испорчены, то на очень долгое время, а то и навсегда.

В технику и в природопользование как можно скорее должен быть привнесен доказательный реализм и этика.

Этика должна стать — и медленно становится — наукой столь же обязательной, как математика или геология. Этика должна быть связана со всеми нами и покоиться на своей безусловной необходимости. Не будет ее — будет одна только система компьютеров, которая в самом недалеком будущем, может быть, еще в бытность нашего поколения, исчислит войну как единственный результат всех результатов нашего существования.

В течение веков этика культивировалась и сохранялась в умах людей произведениями искусства, может быть, даже литературой прежде всего. Она была принадлежностью людей искусства и частным делом каждого члена общества, при этом едва ли не каждый откладывал ее на потом, на некое неопределенное, но светлое будущее, когда сама собой займет свое место в сознании человека.

Однако история рассудила иначе — если мы предполагали, что сначала наступит это искомое и такое желанное светлое будущее, а потом в нем расцветет этика, то в действительности оказалось, что вообще не будет не только светлого, но какого бы то ни было будущего, если этика не станет реальной и активно действующей силой.

Интересно, что это предчувствие раньше, чем оно проявилось на практике, было подмечено нашим обществом, и прежде всего — молодежью.

Если последние лет семьдесят в мире науки самой престижной была физика, то в последние годы среди молодежи возрастает и возрастает интерес к наукам гуманитарным, к истории и литературе, к истории искусств, и это есть признак того, что человечество все больше нуждается, если так можно выразиться, в гуманитарной экспертизе всех своих технических идей и проблем. И я уверен в том, что если сегодня кто-то еще без стеснения утверждает, что гуманитарии не должны вмешиваться в технические проблемы, тем более в проблемы, так или иначе связанные с экологией, то это не что иное, как дремучая невежественность, которая отдает — не знаю даже, чем отдает — кажется, средневековьем.

Между прочим, это подтверждают и сами точные науки, та же математика, та же кибернетика, которая устанавливает, что компьютеры претендуют нынче на четвертое место среди тех причин, по которым преждевременно умирают люди.

Недавно в сообщении одного нашего крупного ученого я слышал о том, что на первом месте среди причин смертности по-прежнему стоят сердечно-сосудистые заболевания, на втором — злокачественные опухоли, на третьем — автомобильные катастрофы, на четвертое же претендует компьютерная смерть... поскольку счетные устройства уже сейчас выносят смертные приговоры при «рассмотрении» ими конфликтных дел между людьми. С этим конкурентом или противником ничего сделать нельзя, и, если он не будет «устранен», он «устранит» тебя. Так уже сейчас считают компьютеры в капиталистическом мире. С таким же успехом компьютеры могут обязать людей вступить в мировую войну — ну а уж тогда им безоговорочно будет принадлежать первое и непревзойденное место по численности убийств. Право, недаром же истые математики всегда любили поэзию, чувствовали в ней необходимость.

Но вот еще в чем дело — в переходное время, когда точные науки ищут союза с науками гуманитарными, чтобы совместно выносить важнейшие решения по проблемам нашего существования, в это межвременье, пользуясь его неустойчивостью, процветает ведомственная деятельность, которая обходит как выводы математиков, так и возмущенные голоса гуманитариев, эта деятельность протекает где-то за кулисами, подальше от глаз тех и других, ее метод — добиваться запрещения гласности и публичности, касается ли это печати или телевидения, она торопится — скорее, скорее — совершить свое ведомственное дело! И вполне возможно, что в те часы и минуты, когда мы здесь собеседуем, по ведомственным каналам бегут и бегут бумаги, подписываются резолюции о строительстве объектов, которые не утверждены экспертизой до конца, которые спрятаны от глаз общественности, и, когда все эти формальности будут выполнены, нам скажут: «Ну, что? Выкусили?»

Да, бумажная переписка может оказаться важнейшим доказательством «безупречности» проекта и

его глубокой «обоснованности». А что? Выкусывали ведь... С Байкалом 20 лет назад выкусили. Ну а как теперь выходить из положения?

В то же время гуманитарии совершенно не вправе ждать, что наука придет к ним с поклоном и скажет: «Ах, дорогие мои и ненаглядные! Ну что же я буду теперь без вас делать, спасите и помогите!»

Я совершенно уверен в том, что, собираясь в Ленинград на секретариат Союза писателей РСФСР, который ставил на обсуждение проблему столько же литературную, сколько и природоведческую, большинство из нас не заглянули в книги, ну, например, в того же Вернадского, учение которого о том, что человек — это вовсе не надстройка над природой, а ее часть, это учение, из которого, мне кажется, должна исходить современная экология и литература, если они ставят своей целью вписаться в природу.

Дело еще и в том, что мы, писатели, не умеем писать природу так, как этого требует наше время.

Для нас — это все еще не более чем пейзаж и — по образцу древних греков — ограниченная сцена, место действия наших героев. Между тем природа — это не только место действия, но и явление, это процесс, в котором мы участвуем.

Положим, у того же Бунина в «Солнечном ударе», у Горького или у наших художников-маринистов действие развивается на пароходе или на корабле. И пароход или корабль мы воспринимаем как ту сцену, от которой зависит и состояние наших героев, мы слышим, как работают машины, как подаются команды, мы знаем, что если будет кораблекрушение, то погибнут и наши герои. Но нынче корабль, на котором мы плывем,— это весь земной шар, он тоже ведь запросто может потерпеть крушение, и ему могут быть отданы такие команды, в силу которых через несколько минут он окажется где-то на самом дне Вселенной.

Но вот этого ощущения нашей причастности к орбитальному движению Земли, к опасностям этого плавания, к неполадкам в машинном отделении и на капитанском мостике у нас нет, и мы заняты исключительно тем, так или не так Паша любит Сашу и так ли Саша отвечает на любовь Паши. Без этих отношений жизни нет, это верно, но сама-то жизнь нынче вписывается в иные явления, и сама Земля становится

другой, поскольку она оказалась в наших руках, и совсем не такой надежной для жизни, как это было всего несколько десятилетий тому назад.

Природный процесс все еще не приобщен к нашей повседневной жизни, мы все еще чувствуем некий рубикон между ним, этим процессом, и нами самими.

Если литература имеет в виду влиять на современного человека, если мы сегодня ставим темой нашего обсуждения такую тему, как «Литература в связи с НТР и экологией», то тем самым мы берем на себя именно эту задачу — соединить эти два сосуда — человечество и природу,— чтобы они были сообщающимися в двух направлениях, а не в одном. Не нужно быть пророком, чтобы сказать, что разобщенное существование человека и природы исчерпало себя почти до самого конца, до самых донышек, и его может хватить не более чем на считанные годы. И только будучи соединенными, будучи одной системой, эти сосуды смогут и дальше пополняться эликсиром жизни.

Ощущение того факта, что человек и окружающая его природа суть одни и те же химические элементы, что он и она — это единый процесс существования нигде и ни в чем не повторимый, что «быть или не быть?» — вопрос, который нынче в равной мере относится и к нам, и к ней,— ощущение и понимание всего этого только и может этот вопрос решать.

Других средств его решения у нас нет, да, вероятно, и не может быть.

И если в своем неудержимо-бурном развитии наука превратила в нашем сознании землю в почвоведение и геологию, воздух в метеорологию, а воды в гидрологию, то теперь она же обязана снова сблизить нас с природой в ее нераздельно-целостном состоянии, должна научить нас называть вещи своими собственными именами и, если на то пошло, создать новое, современное и социально и научно обоснованное язычество, то есть создать союз человека с природой.

Я не хотел бы и дальше развивать эту мысль, она достаточно очевидна, но все-таки я решусь привести еще один пример, может быть, и спорный, может быть, и не совсем внятный, но почему-то занимающий меня уже не первый день.

Вот мы говорим о том, что важнейшая, если так

можно выразиться, технологическая проблема искусства и литературы — это соответствие между формой и содержанием произведения искусства.

Найдите гармонию между тем и другим, между смыслом произведения и той формой, в которой данный смысл может быть выражен наиболее полно, красиво и лаконично, и это будет значить, что произведение искусства состоялось, что оно вступило в жизнь как необходимый предмет этой жизни.

Но вот в чем дело — почему эту задачу мы до сих пор считаем присущей только искусству, ему одному, а больше ничему другому? А разве во всей природе, во всей нашей личной и общественной жизни не так же?

Существует, положим, задача построить такую-то машину или создать некую службу быта, или систему образования — все это смысл, все это не что иное, как содержание, но теперь ведь надо найти соответствующую этому содержанию форму его воплощения, форму техническую, технологическую, производственную, форму организационную, в виде тех или иных учреждений, руководящих и исполнительных.

В окружающей нас природе такой задачи нет, в ней каждый предмет — это гармония между содержанием и формой его воплощения, содержание дерева, или травинки, или животного полностью воплощено в его форме, разве только многовековая эволюция и приспособляемость может оказывать влияние на формы и отдельные части и органы этих существ, но для человека поиск форм его существования всегда является самой злободневной задачей этого существования.

К чему я привел этот пример? К тому, что мы привыкли к тезису о том, что искусство должно черпать свой опыт, свои принципы из жизни, но вот оказывается, что и жизнь тоже должна черпать для себя отнюдь не отвлеченный, а практический опыт из искусства, из его технологии. Иначе говоря, жизнь должна учиться искусству существовать.

В этом взаимопроникновении искусства в жизнь и жизни в искусство, в этом, если можно так сказать, обмене опытом, между природой и человеком и состоит одна из проблем той поистине неисчерпаемой темы, о которой мы ведем речь.

Давайте же обменяемся мыслями на этот счет, как теми совершенно конкретными, которые касаются, положим, использования природных вод, так и теми, которые я обозначил бы как соображения литературно-социальные и социально-природные.

XXVII съезд КПСС, речь на съезде Генерального секретаря Михаила Сергеевича Горбачева, материалы июньского (1986 г.) Пленума ЦК КПСС как бы подталкивают нас к размышлениям такого рода и создают те новые возможности, которыми мы попросту не имеем морального права не воспользоваться.

Наш современник. 1987. № 1 (публикуется с сокращениями)

ИНТЕЛЛЕКТ И ЛИТЕРАТУРА

Человечество всегда билось над тем, чтобы проложить нерушимую границу между добром и злом, определить, кто есть кто: кто в мире сем носитель добра, а кто — злодей. Но ни теория, ни практика, ни философия, ни теология, ни логика, ни социология, ни даже этика, которая и возникла-то, кажется, именно ради этой вполне конкретной задачи, эту задачу решить не могли. И тогда ее решение было возложено на литературу. И та задачу приняла, взвалив ее на свои не столь уж могущественные плечи.

Русская литература всегда исполняла эту задачу с особенным усердием и упорством — трепетно и свято, наверное, еще и потому, что долгое время исполняла у себя на родине обязанности и философии, и социологии, и многих других общественных наук.

Разумеется, задача эта не остается неизменной, со временем она приобретает все новые и новые оттенки, но суть ее остается прежней. И эта суть определяет и характер союза между интеллектом и литературой, и те новые качества и средства, если так можно сказать, технологические средства, которыми современная литература должна обладать, реализуя интеллект в свете все той же задачи.

Тут я прежде всего имею в виду современного литературного героя, такого, который обладал бы универсальностью мышления, способного без «помощи» автора взвешивать все «за» и «против», определяя кто есть кто и кто ради чего.

Ведь из утверждения добра тоже возникает немало зла, всякого рода догматов и ужасающих насилий. Вот почему ныне так необходим герой универсального мышления. Универсального, но мне представляется, что еще и реалистического, и это главное. Но нынче и этого мало, и дело уже не только в персоналиях, но и

в глобальных явлениях мира, в событиях как таковых, как бы даже и лишенных конкретных участников, но вовлекающих в свою орбиту все и вся — все Человечество, всю земную Природу, а чем дальше, тем все в большей степени и Космос.

Эти явления настоятельно становятся литературным «материалом».

«...Бой идет не ради славы, ради жизни на земле». Поэт сказал это о войне, о Великой Отечественной, но мир с тех пор накаляется все больше и больше, и вот уже они, эти слова, имеют прямое отношение непосредственно к искусству, к творчеству в целом. Отнюдь не отвлеченно-философским, а вполне практическим и повседневным стал этот вопрос — «быть или не быть?».

Да, возможности нашего дальнейшего существования на Земле — это возможности реалистического мышления и действенной практики, и вот уже реализм перестает быть только «течением» или «направлением» искусства, а становится единственно возможным средством обеспечения будущего. Ведь именно недостаток реализма — в оценке положения человечества в этом мире, в оценке всех явлений цивилизации — привел нас к нынешнему, крайне опасному для человека и человечества положению.

Фантазией, изыском и модерном, сюрреализмом и даже неореализмом тут дела не решишь — если кто и поможет, так только старый, добрый классический реализм. А ведь он-то сейчас и находится в наибольшем дефиците.

Мир может быть разрушен, потому что он реален, что реальны средства, ядерные и иные, его уничтожения. Значит, и спасен он может быть только средствами реальными и реалистическими.

Однако и тут нет заранее приготовленных для современности средств, и предстоит отмежевать тот реализм, который привел нас на край гибели, от того, который может нас спасти.

Тем более это относится к литературе. Если она признает свою причастность к этой проблеме всех проблем, значит, ей предстоит исполнить такую задачу. Гегель когда-то говорил о прозе как о прозаически-упорядоченной действительности. В наше время выбор между быть и не быть и есть такого рода «упорядочен-

ность», она уже не обойдется без реализма как своего собственного, так и в оценке положения дел в мире.

Казалось бы, вторая мировая война была столь ужасна, такие принесла потери, такие страдания, что вряд ли кто мог думать о немедленном ее продолжении.

Оказывается, думали. И «на всякий случай» сбросили атомную бомбу на Хиросиму. Что не успел Гитлер, не успел фашизм, вполне успели заокеанские «демократы». Юристы говорят: если спор слишком затянулся, слишком запутан, чтобы внести ясность, надо начать сначала и вернуться к фактам исходным. А вернувшись, нельзя же не увидеть, «кто первый», кто начал. По логике вещей тот, кто первый начал, первым должен и кончить. Но... нехватка реалистического мышления, опять она. Ну а потом уже за атомной бомбой последовала водородная, за водородной — нейтронная, а вот уже маячит и «звездная война». И все это — «на всякий случай», все — в защиту «свободы». Тот же культ силы, только «демократический», обставленный всякого рода «демократическими» институтами и процедурами.

Другая угроза — экологический распад, разрушение природы.

Общий и неделимый организм природы мы поделили между великим множеством отраслей. Их так много, что теперь уже никто не может их сосчитать и обозначить. Кто же может противостоять мышлению узкоспециальному? Общество может, больше некому. Общество в целом, общественный интеллект в целом. Он, само собою разумеется, тоже не гарантирован от ошибок, но ему свойственна та забота о существовании человечества, которой лишена отдельно взятая отрасль с ее собственной и далеко не всегда общественно полезной задачей.

Только общество, охраняя себя, способно охранять и природу, только оно воспринимает природу как источник и материальных, и духовных ценностей, а значит, и своего интеллекта. Недаром философы говорили, что человек умен не сам по себе — умна окружающая его среда и что не столько мы отражаем действительность, сколько она отражается в нас.

Разрушив природу, что мы будем отражать? Откуда набираться ума? Самих себя для этого мало —

вот что должен усвоить наш интеллект, а вслед за ним и наша литература.

Приравнивать интеллект к так называемой «интеллектуальной» литературе ни в коем случае нельзя, это было бы и несправедливо, и слишком ограниченно, поскольку то, что мы понимаем (иногда), а точнее, еще только условились понимать под этим термином, далеко еще не достигло ни самостоятельных высот, ни полноправия, и это скорее самоназвание, чем название и термин. Интеллект гораздо выше «интеллектуальной» литературы, гораздо шире и универсальнее, и ему не к лицу приравнивать себя к ней.

Он не должен пониматься только как «умственность» или как обычная интеллигентность литературного письма, но как свойство любой «высокой» литературы, будь она «деревенской», «городской» или «военной».

Интеллект в литературе — не только логика, научная обоснованность и философия, но и все тот же духовный потенциал, без которого искусства никогда не было и, дай бог, никогда не будет.

Этот современный интеллект сродни прогрессу, но далеко не он сам, его современность — это прежде всего понимание тех условий, в которых он находится, понимание того, что прогресс, как таковой, неизбежен, что от него никуда не уйдешь и ничем, в обозримом будущем, и не заменишь, но что в то же время прогресс нужно регулировать, воздействовать на него, что знания не могут быть бездейственны, они ищут немедленного приложения к тому самому миру, из которого только что пришли.

Знания, их непрерывно возрастающая сумма не могут не влиять и на литературу, не могут не вовлекать ее и новых ее героев на свою орбиту. (И тут мы опять убеждаемся в неизбежности универсализации литературных героев — как в смысле количественного увеличения их галереи, так и расширения мыслительного диапазона каждого из них.)

Дело ведь в том, что большая часть наук, а следовательно, и большая часть нашей мыслительной энергии направлена к познанию окружающего мира — атома и космоса прежде всего. А что же остается на долю нашего самопознания?

Сравним: за последнюю тысячу лет, за последний век куда мы ушли во всем том, что касается нашего знания мира внешнего и куда — в познании самих себя? Дистанции несоизмеримы, диспропорции так велики, что невольно напрашивается вопрос: не они ли и привели нас к сегодняшней проблеме «быть или не быть?»?

Ведь утверждают же ученые, что до сих пор лишь несколько процентов нашего «думающего» серого мозгового вещества думают, а остальные находятся в состоянии бездеятельности, они, видимо, все еще не получили соответствующего стимула и задачи. Какой задачи? Может быть, самопознания?

Может быть, искусству, а литературе прежде всего, и предстоит преобразовать энергию этих клеток из потенциальной в кинетическую и направить ее не во «вне», а «внутрь» самого человека и в определение им задач собственного существования в мировом процессе существования личностного и общественного. Литературе необходимо приобщение к процессу мира, ей надо избавляться от чересчур сильно действующей магии собственного результата.

Ведь что ни явление, замеченное литературой, то она и ждет от него результата, что ни художественное произведение, то опять должен быть совершенно очевидный его результат, итог.

Гоголь погиб, когда не обнаружил общественного результата «Мертвых душ», да и всего своего творчества. Толстой по той же причине покинул перед смертью Ясную Поляну, Тургенев, Достоевский, Байрон, Шиллер были потрясены тем, что не сумели переделать человечество к лучшему, не добились искомого результата, хотя, казалось бы, понимали и чувствовали мир как непрерывный процесс,— процесс, чуждый итогам и заключениям. Теперь мы ищем главный и всеобщий результат — возможность продления самого процесса жизни, и собственный, замкнутый результат для литературы мыслим все меньше и меньше, поскольку сама-то литература вписывается в творчество общественное, является «спасательной работой» и одним из «плавучих средств» для человечества. В частности, литература и искусство по мере всех своих сил должны воздействовать на науку, чтобы наука отличала свои собственные возможности от реальной об-

щественной необходимости. Если этого различия нет и не будет — дело наше плохо.

Наука и техника создают материальные предметы серийно, и самый первый экземпляр серии (касается ли это какого-то двигателя, машины, транспортного средства) очень скоро устаревает и перестает представлять для них сколько-нибудь существенную ценность.

Другое дело — искусство. Создавая ценности духовные, оно в то же время как зеницу ока бережет самый первый образец своего творчества, и самый лучший — тоже. Произведения искусства, воплощенные в предметы — в книги Горация, Овидия, Шекспира или Толстого, в картины Рафаэля, в нотные листы Баха, имеют для нас непреходящую ценность.

И так память к предмету у культуры духовной оказывается более развитой, чем у культуры материальной.

Очевидно, именно потому наука и техника, развиваясь как бы особо, и не возвращаются на круги своя, не помнят самих себя даже в недавнем прошлом, не говоря уже о веках и тысячелетиях, а культуры духовной без такой памяти просто-напросто не существует. Нет культуры без истории культуры, и начинается она там, где начинается ее история.

Движение же только в одном направлении, только вперед, рано или поздно приводит к тому, что в философии называется «дурной бесконечностью», лишает творческий процесс той цикличности, которая, будучи столь естественной для природы, должна быть хоть в какой-то мере перенесена и на творчество человека и на всю нашу жизнь. Эта задача памяти, а за нею — цикличности, а еще далее — историчности нашего настоящего и должна быть исполнена искусством, науками гуманитарными.

Таково, видимо, их предназначение, таков тот их смысл, которому мы слишком долго не придавали значения, настолько долго, что, кажется, уже и опоздали.

Известно, что роль каждого элемента, составляющего художественное произведение, не остается постоянной, со временем она меняется. Нередко меняется в сторону определенной ограниченности, и вот уже можно наблюдать постепенное перерождение такого элемента, как литературный образ, в образ жанро-

вый — узкая и всеобщая специализация сказывается и на литературе. Вот, например, герой классического рассказа — Чехова, или Бунина, или Толстого — был героем общелитературным, то есть он мог бы действовать и в романе, и в повести, и в бытописательском очерке. Не то сейчас. Сейчас герой рассказа только к рассказу и приспособлен, в роман его уже не пересадишь, у него пороха не хватит: ведь он — герой жанра. О героях детективного жанра или научно-фантастического и говорить не приходится — они от начала до конца исполнены по заказу жанра и, кроме исполнения этой своей роли, знать ничего не знают.

Нет, не должна литература подвергаться тому самому процессу узкой специализации, против которого она же и выступает. И читатель тоже хочет получить литературу в виде рассказа, повести, романа, а не рассказ, повесть и роман с некоторыми признаками литературы.

Другой вопрос — о роли сюжета и события в современном художественном произведении.

Тут мы привыкли к тому, что событие развертывается не столько само по себе, сколько по безусловной воле автора — оно несет служебную роль того или иного довода в системе доказательств авторской мысли и позиции. Конечно, совсем освободить событие от этой роли нельзя, но предоставить ему относительно бóльшую свободу уже можно и нужно. В своей самостоятельности оно не потеряет, а приобретет еще большую убедительность и доказательность. Прежде чем помочь автору, событие должно ему мешать, ставить его в затруднительное положение и перед героями произведения, и перед читателями. Читателю небезразлично, как автор справляется с сопротивлением события, как проявится и в этом авторский интеллект. Игра в поддавки ему не нужна. Тем более что, чем дальше, тем больше становится таких фактов и событий, которые говорят сами за себя. Тем более что и собственный опыт читателя тоже становится больше, он ныне и в отношении событий тоже знает что почем.

Рабски-подчиненная, чисто служебная роль события в художественном произведении роняет достоинство и литературы, и нашего интеллекта в целом.

Или — еще более общий вопрос — о романе как таковом. Отжил он свой век или нет? Думаю, что ни один

жанр литературы, вообще искусства не может создать такой же широкой реалистической картины жизни, как роман. А без реализма мы нынче — опять-таки и опять-таки куда?

Реалистический роман — большая поддержка современному реализму вообще. Реализм как таковой — еще большая поддержка роману.

А что может быть для литературы больше, чем такое вот взаимопроникновение, или, как принято ныне говорить, такая связь с жизнью?

И вообще — отсюда же, из реализма, проистекает и союз между литературой и интеллектом. Вообще, как было сказано когда-то, литература должна увеличивать мощь жизни. Увеличивать — с помощью чего? Очевидно — с помощью современного интеллекта.

Правда, 1986, 29 сентября.

ЗАЧЕМ НАМ ОТРЕЧЕНЬЯ?

Название предмета...

Название — это уже познание, уже наука. С названием всегда сопряжены представления, тем больше представлений и ассоциаций, чем значительнее предмет. Разрушьте имя предмета, и тотчас и неизбежно начнут разрушаться наши представления о нем. И не только о нем — предмет всегда так или иначе вписывается в мир, соотносится с миром в своем прошлом и в настоящем, утверждает эти соотношения для будущего, и, когда мы отрекаемся от привычного и устоявшегося его имени, мы разрушаем и эти связи тоже. И тогда меньше в мире становится порядка и доступной нам логики, то есть всего того, что нам особенно дорого и что находится в постоянном дефиците. Такие последствия имеет разрушение названия и в плане глубоко личностном, для каждого из нас, и для всех нас, то есть в смысле общественном.

Если бы мы вдруг переименовали названия деревьев и трав, предметов повседневного обихода или указали бы именовать белое черным, а черное — синим, какие были бы непредсказуемые и далекоидущие последствия, какая путаница повсюду — в прозе, в поэзии, в науке, в повседневной нашей жизни? Какие потери?

Нет, нет, нельзя, ни в коем случае нельзя!

Ну, а тогда почему же это можно по отношению к названиям городов, селений, улиц и обширных местностей? И гор? И рек? Почему здесь, в названиях географических, исторических, национальных и этнических, чья-то рука — владыка: что хочу, то и делаю?! Известно, что имена собственные даже и на другие языки не переводятся — а я вот могу! А ежели могу, значит, делаю! Нигде в мире ничего подобного не делается, а мы вот можем!

Казалось бы, уже был опыт, убедительный — пробовали наименовывать младенцев Энтузиастами и Коллективистами, Шахтами и Пятилетками — нынче об этом конфузно вспоминать, но успокоения нет и нет — во что бы то ни стало хотим оставить конфузов после себя побольше, побольше...

Был, положим, тысячу лет в России город Тверь, а вслед за тем и губерния Тверская, надумали иначе: город Калинин, Калининская область. (Но вот разговоришься с калининцем, а он тебе: «Я — тверской!»)

Правда, иные переименования не ощущаются нами, как нечто искусственное, «Ленинград», например, но таких случаев раз, два и обчелся, их попросту и не может быть больше, это исключения, а исключения неповторимы, аналогий у них быть не может, тем более массовых.

И действительно, если «Ленинград» укоренился в нашем сознании прочно, то уже проспект «25-го Октября» как был Невским, так и стал им снова.

Но почему же в Пушкине (бывшем Царском Селе) короткая улочка о нескольких домах, в числе которых и здание царскосельского лицея, теперь называется улицей Комсомольской? Получается, будто Пушкин, и не только он, но и многие другие выдающиеся русские люди, учились в доме на Комсомольской улице! Эта метаморфоза в честь какого такого события произошла? Не помню сейчас точно где — в Петродворце (Петергофе) или в Ломоносове (Ораниенбауме) рядом две старинные улицы — Большая и Малая Советская. Странно! И даже двусмысленно: Малая Советская — это что же, малосоветская, что ли? Мало-мало советская? Впрочем, и Большая тоже не лучше.

Вот, скажем, человек уснул вечером в городе Ижевске, а проснулся в Устинове. И мы делаем вид, будто с этим человеком ничего не случилось. И он нередко делает такой же вид, будто до него доходят какие-то на этот счет объяснения, в то время как объяснений тут попросту не может быть, поскольку в них отсутствует память — память о родителях, о России, которая в чем-то проявила себя в Ижевске так, как нигде больше. Ведь сколько научных и технических открытий было совершено когда-то в Ижевске, теперь читателям научных и научно-исторических трудов необ-

ходимы примечания. «Ижевск — читай Устинов». «Устинов — читай Ижевск».

Дмитрий Федорович Устинов был выдающимся государственным деятелем, никто этого не отрицает, но зачем же его имя сталкивать с историей, противопоставлять его ей? Это бестактно, тем более что нет в этом ни малейшей необходимости. Уверен, что если бы Устинова в свое время спросили — хочет ли он такого противопоставления, ответ мог быть один: этого делать не надо.

Значит, речь идет не столько об увековечении памяти человека, сколько о том, чтобы память эту поставить в весьма двусмысленное положение. И так дело обстоит не только с городом Ижевском, но и с Рыбинском — Щербаковым — Рыбинском — Андроповым, и с Луганском — Ворошиловградом — Луганском — Ворошиловградом, и со многими-многими другими городами.

Почему, например, Станислав стал Ивано-Франковском (по аналогии Свердловск должен быть Яково-Свердловском), а в это же примерно время в Днепропетровске улица Ивана Франко стала улицей Янтарной? Почему город назвали «Т. Г. Шевченко»?

О названиях улиц говорить не приходится, когда знакомишься с почтой «Литературной газеты» на этот счет — грустно становится, и смешно, и стыдно...

«Улица Московский проезд» (Воронеж).

«Улица Сантьяго-де-Куба» (Ленинград), а кто правильно это название напишет? — спрашивает корреспондент.

Переулок Учебный в Ленинграде стал «улицей Вилле-Песси. (Третий месяц как переименовали, а все никак не запомним нового названия своей улицы.)»

«Было Коровино, стало Коровино-Фуниково...»

«Был Высоковольтный массив — стал «Тупик Льва Толстого» (Ташкент).

Откуда это пошло-то — это поветрие на переименования?

Или в первые годы Советской власти мы торопились утвердиться и обозначиться, поскорее рассчитаться с прошлым, отряхнуть его прах со своих ног?

Но вот уже нет в этом никакой логики, утвердились давно, а инерция, должно быть, осталась, понравилось самоувековечиваться, если не собственным именем, так

хотя бы каким-то другим, которое, как-никак, а ты придумал, твоя «прошла» инициатива. Инициатива в выполнении производственного плана — сколько она требует усилий, нервов, а тут ничего этого нет, а все равно — прошла.

И как-то невдомек этой инициативе, что она совсем не оригинальна, что повсюду ординарна и потому, должно быть, насчитывается у нас в названиях городов и поселков более 50 производных от Кирова и около 70 Октябрьских. А то сочиняется поминальник и ходишь по городу, как по кладбищу. Многих имен не слыхал никогда, только и знаешь, что имя принадлежит умершему.

В печати кто-то, не помню точно кто, высказал предложение: если уж чье-то имя увековечивать в названии города или улицы, так только не за счет переименования, а кроме того, по прошествии не менее, чем лет двадцати. И правильно! Время — надежный судья. А то улица (город), вот она — поименована, но снова неизвестно, в честь кого?

Вообще разумных на этот счет предложений много, их надо узаконить в ближайшее же время.

Инициатива же в этом деле должна быть проявлена совсем другого рода, отнюдь не административного.

Например, задать школьникам на дом сочинение — «Как и почему я назвал бы 16 Железнодорожных улиц нашего города?», и можно с уверенностью сказать, что были бы предложены оригинальные и вполне приемлемые решения «проблемы», но вот для Ленсовета это все еще действительно проблема.

В Новосибирске я жил на улице, которая в разное время называлась Бийской, Вегмана, Байдукова, Совнархозовской, Депутатской... Вот что значит стронуть с места название — стронули и пошла писать история! Будь улица Бийской всегда, и никаких бы хлопот. В Челябинске же до сих пор ни много ни мало, а почему-то пять Бийских улиц?!

И так мы ходим, ездим по улицам, живем на Высоковольтных, Автогенных, Газовых, Инкубаторных, Вагоноремонтных, по «4-й улице 8-го Марта», «2-й Скотопрогонной», по улице Моснефтекип (никто в Москве и, кажется, во всем свете толком не знает, что это значит), по переулкам Терапевтическому, Безбожному, по шоссе Капсюльному, в «квартале Г-9-А».

Но бывает и так, что не знаем, где живем...

Село Ладыжино было когда-то переименовано в поселок ГЭС («ПосГЭС»), заодно тогда же отменили названия улиц, и вот уже десять лет не могут некоторые названия придумать. «Когда нужно сказать, где живем, говорим: «рядом с улицей Наконечного» (это был Герой Советского Союза, он защищал в войну Ладыжино)».

Казалось бы, какое интересное, для души, занятие — придумать название для новой улицы и даже для нового города! В школах можно объявить конкурс, в учреждениях, на предприятиях жюри создать, которое выносило бы решение перед экраном телевизора или по радиомикрофону,— нет, до этого у нас руки не доходят. А вот чтобы покалечить историю, надругаться над ней, показать себя невеждами — доходят!

Ведь утвердил же кто-то когда-то название новому району Москвы — «Черемушкинский». И что же? Уже сколько новостроек в старых и новых городах стало называться так же, нарицательное стало имя. Украшает оно даже и бездарную архитектуру, приносит аромат на те улицы, где не только черемухи — кустика нет живого. Но слово обещает — будет, будет и здесь черемуха. Однако и тут не без беды: отменили в столице название района Черемушкинского, стал район Брежневским...

А что, если ограничиться увековечением имен в названиях библиотек, училищ, пароходов, кораблей — тоже ведь немало и неплохо?!

Так поступили в свое время с именем Шукшина, и хорошо поступили, никого не потеснил Василий Макарович, ничье старинное название не нарушил.

Конечно, дело восстановления прежних названий городов и улиц — хлопотное дело, требует средств и на первых порах повлечет за собою всяческие неполадки, но ведь сделать-то его надо только однажды, однажды и на все времена... Это гораздо дешевле и проще, чем перманентные переименования, бесконечные поправки в географических атласах и на картах, в справочниках почтово-телеграфных, железнодорожных, автомобильных, воздушных и водных путей сообщения, во всякого рода переписке — государственной и частной.

И посмотрите, насколько болезненно воспринимается каждое необоснованное переименование и как про-

сто, как нечто само собою разумеющееся, люди возвращаются к давним наименованиям — была Пермь Молотовым, снова стала Пермью; был Оренбург Чкаловым — опять Оренбург и все, и порядок!

Оренбург... Имя у города тоже не самое первое и не совсем русское, совсем не русское, а вот произносишь его, и сразу же перед глазами пейзаж: зеленоватая река Урал, слегка белесое и как бы даже интимное степное небо, пашни, пашни на миллионах гектаров... Пушкинские места. Из истории «Капитанской дочки». Аксаковские места... Все это есть, все присутствует в названии Оренбург. А в названии Чкалов — нет. Увековечить память великого летчика XX века надо, но в чем-то другом, в чем-то новом и вполне соответствующем и его времени, и его подвигу.

И дело даже не в том, *бывал или не бывал* человек, память которого мы желаем увековечить, в таком-то и таком-то городе,— дело в нашем желании. Как мы распорядимся, куда поселим человека, там он и будет жить вечно. И надо его поселить с умом, заботливо, чтобы ему было там, на новом месте жительства, удобно, а это значит — чтобы он никому не мешал, никого не притеснял своим вселением. Чтобы было как можно лучше и мертвым, и живым. В конце концов мы ведь распоряжаемся их памятью, а не они нашей. На нас и ответ.

Итак, нам действительно необходима, совершенно необходима экология культуры. Это утверждение академика А. С. Лихачева не вызовет сомнений.

И не нужно ни отреченья от имен собственных, ни беспутной выдумки противоестественных имен.

Что значит имя, лишенное своей истории и памяти?

А что значит памятник, лишенный своего имени?

И то, и другое перестает быть историей культуры, а значит, и культурой вообще, потому что какая же это культура без истории, без традиций, которая возникает на *чистом*, а очень часто и попросту не на своем месте?

Это вполне в наших силах, в наших возможностях и в наших обязанностях — охранять культуру в ее настоящем, в ее прошлом.

Охранять повсюду, и в именах — тоже.

Литературная газета. 1986. № 26.

СОДЕРЖАНИЕ

Залыгин С. П.
З-25 Поворот.— М.: Мысль, 1987.—77[2] с.
30 к.

Известный советский писатель ведет разговор о гражданской ответственности за судьбы родной природы, судьбы людей.

З $\frac{2001050000-111}{004(01)-87}$ без объявления **ББК 20.1**

Сергей Павлович Залыгин

ПОВОРОТ

Заведующий редакцией **Ю. Л. Мазуров**
Редактор **В. И. Андросов**
Младший редактор **С. И. Ларичева**
Оформление художника **Э. К. Ипполитовой**
Художественный редактор **М. А. Вакарчук**
Технический редактор **Л. В. Барышева**
Корректор **Г. Б. Абудеева**

ИБ № 3593

Сдано в набор 02.03.87. Подписано в печать 02.03.87. А09047. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Высокая печать. Усл. печ. л. 4,20. Усл. кр.-отт. 4,62. Уч.-изд. л. 4,00. Тираж 100 000 экз. Заказ 2664. Цена 30 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.